

Фредерик Марриет

Корабль-призрак

Фредерик Марриет
Корабль-призрак

«Public Domain»

1839

Марриет Ф.

Корабль-призрак / Ф. Марриет — «Public Domain», 1839

«В половине XVII столетия на окраине небольшого, но укрепленного городка Терноз, лежащего на правом берегу Шельды, почти напротив острова Вальхерен, виднелся несколько выдвинувшийся вперед, по сравнению с другими домами, еще более скромными, небольшой, но весьма опрятный домик, построенный во вкусе того времени. Передний фасад его был окрашен в густо-оранжевый цвет, а оконные рамы и ставни были ярко-зеленые. До высоты приблизительно трех футов от земли стены его были облицованы белыми и синими кафелями, расположенными в виде шахматной доски. К дому прилегал небольшой садик, обнесенный низенькой живой изгородью и окруженный глубокой, наполненной водою канавой, настолько широкой, что через нее нелегко было перескочить. Через эту канаву, как раз против входной двери дома, был перекинут узенький железный мостик с вычурными железными перилами для большей безопасности посетителей...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	20
Глава IV	24
Глава V	32
Глава VI	38
Глава VII	44
Глава VIII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Фредерик Марриет

Корабль-призрак

В настоящем издании сохранен стиль опубликованного П. П. Сойкиным перевода.

Глава I

В половине XVII столетия на окраине небольшого, но укрепленного городка Терноз, лежащего на правом берегу Шельды, почти напротив острова Вальхерен, виднелся несколько выдвинувшийся вперед, по сравнению с другими домами, еще более скромными, небольшой, но весьма опрятный домик, построенный во вкусе того времени. Передний фасад его был окрашен в густо-оранжевый цвет, а оконные рамы и ставни были ярко-зеленые. До высоты приблизительно трех футов от земли стены его были облицованы белыми и синими кафелями, расположенными в виде шахматной доски. К дому прилегал небольшой садик, обнесенный низенькой живой изгородью и окруженный глубокой, наполненной водою канавой, настолько широкой, что через нее нелегко было перескочить. Через эту канаву, как раз против входной двери дома, был перекинут узенький железный мостик с вычурными железными перилами для большей безопасности посетителей. Но в последнее время яркие краски на доме потускнели; несомненные признаки упадка сказывались в оконных рамах, дверных косяках и других деревянных частях строения; синие и белые кафели во многих местах вывалились и не были заменены новыми. Что когда-то домик этот был устроен и содержан с величайшей заботливостью, было так же ясно, как и то, что теперь он был заброшен и запущен.

Внутреннее помещение дома как в нижнем, так и в верхнем этаже состояло из двух больших комнат налицо и двух, более тесных, выходящих во двор. Передние комнаты могли быть названы большими лишь по сравнению с двумя задними, так как и они имели всего только по одному окну. Верхний этаж, по обыкновению, был приспособлен для спален, в нижнем же этаже обе маленькие комнаты были теперь превращены одна – в прачечную, а другая – в кладовую, тогда как одна из передних комнат представляла кухню и была украшена большими полками, на которых ярко начищенная медная кухонная посуда горела, как жар. Кухня была чрезвычайно опрятна и красива, хотя обстановка ее могла быть названа скорее бедной; даже белый пол в ней был так чист и так гладок, что в него можно было глядеться, как в зеркало. Массивный деревянный стол и два стула с деревянными сиденьями да еще маленькая мягкая кушетка, очевидно, принесенная сюда сверху, из одной из спален, составляли всю меблировку этой комнаты. Другая большая комната была обставлена, как гостиная, но какого рода была эта обстановка, теперь никто не мог сказать, так как ничей глаз не проникал в эту комнату вот уже почти семнадцать лет: все эти года комната оставалась запертой и недоступной даже для обитателей этого дома.

В кухне находились два лица: одно из них была женщина на вид лет сорока, измученная и истрадавшаяся, со следами несомненной красоты в тонких, изящных чертах ее лица и больших темных глазах. Но черты эти вытянулись, исхудали, а тело стало как бы прозрачным и бескровным; лоб ее, когда она задумывалась, покрывался глубокими морщинами, а глаза иногда вспыхивали таким странным огнем, что у вас невольно являлась мысль о безумии этой женщины. По-видимому, здесь было какое-то глубокое, неизлечимое, давнишнее горе, с которым она никогда не расставалась; какое-то хроническое удрученное состояние, от которого ее могла избавить только одна смерть. Она носила на голове вдовий чепец, как это было тогда в обычае, и была одета весьма тщательно, опрятно и аккуратно, хотя все, что было на ней, было далеко не ново и сильно поношено. Она сидела на кушетке, как видно, принесенной сюда ввиду ее болезненного состояния.

Другое лицо сидело на краю большого стола, стоявшего посреди комнаты. Это был полный, здоровый, цветущего вида юноша, лет девятнадцати или двадцати. Черты его лица были правильны, красивы и полны отваги и энергии, а вся фигура дышала силой и мощью, далеко недюжинной. Глаза его смотрели смело и уверенно, и когда вы глядели на него, как он, сидя на столе, по-детски болтал ногами в воздухе, беззаботно насвистывая какой-то избитый мотив,

у вас невольно являлось представление, что это бесстрашный, смелый и отчаянный юноша, которого трудно чем-либо запугать или заставить отказаться от раз принятого решения.

– Не уходи в море, Филипп, прошу тебя! Обещай мне, что ты останешься здесь, со мной... Обещай мне это, дитя мое! – молила бедная женщина, протягивая к юноше молитвенно сложенные руки.

– А почему же мне не отправиться в море, матушка? – возразил Филипп. – Что пользы из того, что я останусь здесь, чтобы подохнуть с голода? Клянусь честью, это немногим лучше! Должен же я сделать, наконец, что-нибудь и для себя, и для тебя! А что другое могу я сделать, как не стать моряком? Мой дядя Вандердеккен предлагает мне взять меня с собой, обещая при этом приличное жалованье. Житье мне будет хорошее на судне, а моего заработка будет хватать тебе на безбедное существование здесь, дома!

– Выслушай меня, Филипп, дитя мое! Я умру, если ты меня оставишь. Ты у меня один на белом свете! Если ты меня любишь, сын мой, – а я знаю, что ты меня любишь – не оставляй меня, прошу тебя. А если ты уж непременно хочешь уйти в люди, то хоть не уходи в море!

Филипп не сразу ответил; он продолжал тихонько насвистывать, а мать его горько плакала.

– Быть может, ты так настаиваешь на этом потому, что мой отец погиб в море? – спросил он наконец.

– Ах нет, нет! – воскликнула несчастная женщина. – Видит Бог...

– Видит Бог, что? Договаривай, матушка!

– Нет, нет, ничего... Будь милостив, Господи! Сжался надо мной! Сжался! – воскликнула несчастная мать, соскользнув с кушетки на пол, и, встав на колени, стала шептать усердную горячую молитву Богу, ища у него помощи и поддержки. Наконец она поднялась с колен и заняла свое прежнее место на кушетке; лицо ее было спокойнее, чем прежде, и в глазах не виднелось уже прежнего отчаяния.

Филипп, за все это время не проронивший ни слова из уважения к возбужденному состоянию матери, теперь снова обратился к ней.

– Послушай, матушка! Ты просишь, чтобы я оставался на суше и голодал здесь вместе с тобой, что, ты сама понимаешь, не особенно весело! На это я скажу тебе вот что: та комната, что рядом с этой, стоит запертая с тех пор, как я себя помню, а какая тому причина, ты никогда не хотела сказать мне. Но однажды, я помню, когда у нас с тобой не было хлеба, и мы не смели надеяться на скорое возвращение дяди, а ты почти обезумела от отчаяния, как это с тобой вообще случается, я помню, как ты тогда сказала...

– Что я тогда сказала? – с тревогой в голос спросила бедная женщина. – Что я тогда сказала, Филипп?

– Ты сказала, что в той комнате есть достаточно денег, чтобы спасти нас, но затем ты стала плакать и рыдать и кричала, что лучше умереть. Теперь я желаю знать, что там есть в этой комнате, и почему она остается запертой столько лет, и я говорю тебе, матушка: или я узнаю об этом, или же уйду в море, одно из двух!

При первых словах Филиппа измученная женщина вдруг как бы застыла и осталась неподвижна, как каменная статуя; затем губы ее постепенно раскрылись, глаза расширились и, казалось, что она утратила способность говорить; она прижала руки к груди, словно хотела сдавить ее или вырвать с корнем мучительную боль, и вдруг упала лицом вперед, и изо рта ее широкой струей хлынула кровь. Филипп проворно соскочил со стола и кинулся к ней, подоспев как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть на пол. Он бережно уложил ее на кушетку и с беспокойством смотрел на сильное кровоизлияние.

– Матушка, матушка, что с тобой? – воскликнул он голосом, полным отчаяния.

Но мать долго не могла ему ответить ни слова; она только повернулась на бок, чтобы не захлебнуться кровью, и вскоре белоснежный пол окрасился целой лужей алой крови.

– Говори, дорогая матушка, что мне делать? Как мне помочь тебе? Чего тебе дать?.. Боже милосердый!.. Что это такое?

– Это смерть, сын мой, смерть! – наконец проговорила бедная женщина, впадая в бессознательное состояние от громадной потери крови.

Филипп, страшно озабоченный, кинулся вон из кухни и стал звать соседей на помощь, а когда те пришли и обступили больную, то он побежал что есть духу к врачу, жившему на расстоянии одной мили от его дома, к некому Путсу, маленькому жалкому старикашке, жадному и бессердечному, но прославившемуся своим искусством и знанием. К счастью, Филипп застал старика дома и, конечно, стал настоятельно требовать, чтобы он немедленно отправился к больной.

– Я приду, это вне всякого сомнения! – сказал Путс, говоривший весьма плохо на местном наречии. – Но, мингер Вандердеккен, кто мне заплатит за мои труды?

– Кто вам заплатит? Мой дядюшка, конечно, как только он вернется домой!

– Ваш дядюшка, шкипер Вандердеккен?! Нет, мингер, он уже должен мне четыре гильдера (т. е. четыре голландских червонца) и должен их очень давно; а кроме того, и он, и его судно могут потонуть!

– Он заплатит вам и те четыре гильдера, а также и за этот ваш визит! – с бешенством воскликнул Филипп. – Только идите со мной сейчас же, иначе, пока вы здесь препираетесь со мной, моя мать может умереть!

– Простите меня, молодой человек. Я не могу отправиться: я сейчас вспомнил, что должен посетить ребенка г. бургомистра в Тернозе! – проговорил Путс.

– Так вот что я вам скажу, – воскликнул Филипп, весь красный от гнева, – или вы сейчас же добровольно пойдете со мной, или я вас силой стащу к моей матери, выбирайте любое! Но знайте, что шутить с собой я не позволю.

На этот раз мингер Путс несколько смутился, так как решительный нрав Филиппа был всем известен.

– Я приду немного погодя, мингер Филипп, если только смогу!

– Нет, вы пойдете сейчас, жалкий корыстолюбец, сию же минуту! – закричал Филипп, схватив его за воротник и выталкивая из дверей дома.

– Злодей! Убийца! – кричал Путс, теряя под ногами почву, увлекаемый неукротимым молодым человеком, не внимавшим ни его воплям, ни его мольбам.

Наконец Филипп остановился, заметив, что старик весь почернел.

– Что же, задавить мне вас, что ли, чтобы заставить идти со мной? А идти вас я все-таки заставляю, живого или мертвого, а заставляю!

– Хорошо! – прошипел Путс. – Я пойду с вами, но сегодня же засажу вас в тюрьму! Что касается вашей матушки, то я ни за что на свете... нет, ни за что на свете не сделаю для нее ничего, решительно ничего...

– Имейте в виду, мингер Путс, – возразил Филипп, – что, как жив Бог, видящий нас с вами, я задушу вас здесь на месте, если вы не пойдете со мной, и если, придя на место, вы не сделаете для моей матери все, что только в ваших силах; я задавлю вас там, у ее постели! Вам должно быть известно, что я всегда исполняю свои обещания, а потому примите мой совет, следуйте за мной и исполните ваш долг, и вам будет уплачено все до последней копейки, даже если бы мне пришлось для этого продать мой последний камзол!

Вероятно, это последнее уверение Филиппа подействовало на старика сильнее всех угроз; этот тщедушный маленький человечек в руках сильного, здорового юноши казался беззащитным ребенком в руках сказочного великана. Жилище маленького доктора стояло совершенно в стороне от других жилых строений, посреди пустыря, и он не мог рассчитывать на чью-либо постороннюю помощь ранее, чем в каких-нибудь ста шагах от дома Вандердеккена; а потому

Путс решил следовать за Филиппом, во-первых, потому что Филипп обещал заплатить ему, а во-вторых, потому что он не мог поступить иначе.

Порешив таким образом, мингер Путс поспешил к больной. Придя к ней, они нашли бедную женщину на руках двух ее соседок, смачивавших ей виски уксусом, чтобы привести в чувство. К больной уже вернулось сознание, но она не могла еще говорить. Путс приказал немедленно перевести ее наверх и уложить в постель и, дав ей принять какое-то средство, поспешил с Филиппом за необходимыми лекарствами.

– Вы, вернувшись, сейчас же дадите принять это вашей матушке, – проговорил он, вручая Филиппу баночку с лекарством, – а я отправлюсь теперь к ребенку бургомистра и после того снова вернусь к вам.

– Смотрите, не обманите меня! – сказал Филипп, сопровождая свои слова угрожающим взглядом.

– Нет, нет, мингер Филипп, я бы не поверил вашему дядюшке, но вам я безусловно верю; вы обещали мне заплатить, и я знаю, что вы всегда держите свое слово. Через час я буду у вашей матушки, а вам надо теперь спешить к ней!

Филипп бегом направился к своему дому; после того как больная приняла лекарство, кровотечение совершенно прекратилось. Через полчаса она могла уже, хотя и слабым, чуть слышным шепотом, высказать свои желания сыну. Когда маленький доктор вернулся, он тщательно осмотрел свою пациентку, затем сошел вместе с ее сыном вниз в кухню.

– Мингер Филипп, – сказал он, – видит Бог, что я сделал для вашей матушки все, что мог, но должен сказать, что едва ли можно надеяться, что она когда-нибудь встанет на ноги. Она может прожить день, два, не больше... но я в этом не виноват, мингер Филипп! – добавил он униженным тоном, как бы опасаясь чего-то.

– Ну, что же, видно, такова воля Божия! – мрачно промолвил юноша.

– И вы заплатите мне, не правда ли, мингер Вандердеккен? – продолжал доктор, выждав минутку.

– Да, да, заплачу! – громовым голосом крикнул Филипп, как бы вдруг очнувшись от раздумья.

Немного погодя Путс продолжал:

– Приходить мне к вам завтра, мингер Вандердеккен? Имейте в виду, что это будет стоить вам еще один гильдер, хотя в сущности бесполезно тратить деньги и время; больше ничего сделать нельзя.

– Придите завтра, приходите хоть каждый час, если хотите, насчитывайте, сколько хотите, я все заплачу, можете быть спокойны! – сказал Филипп, презрительно кривя рот.

– Это, конечно, как вам будет угодно; ведь, как только она умрет, дом и вся движимость будут ваши, и вы, конечно, продадите все это. Да, да, я приду! У вас будет достаточно денег, чтобы заплатить мне и за несколько визитов! И позвольте вам сказать, мингер Филипп, если вы будете сдавать этот дом, то я желал бы, чтобы вы предложили его мне.

В этот момент Филипп вдруг занес руку, точно собираясь схватить и раздавить маленького Путса, который благоразумно поспешил отскочить в угол.

– Я хотел сказать, что лишь после похорон вашей матушки, – заискивающим, виноватым тоном поспешил исправиться мингер Путс.

– Уходите, жалкий вы человек, уходите отсюда! – воскликнул Филипп, закрывая лицо обеими руками и опускаясь на залитую кровью кушетку.

Немного спустя Филипп Вандердеккен вернулся к постели больной, которую он застал значительно оправившейся. Соседки, у которых было довольно и своего дела, оставили теперь мать на попечение сына и возвратились к себе. Истощенная страшной потерей крови, бедная женщина дремала в течение нескольких часов, не выпуская из своих рук руки сына, который в мрачном раздумье прислушивался к ее сонному дыханию.

Было около часа ночи, когда больная, наконец, проснулась. Теперь к ней вернулся голос, и она заговорила с сыном:

– Дорогой мой, неукротимый мальчик, теперь я сама сожалею, что так долго удерживала тебя здесь, как в тюрьме!

– Не ты, матушка, а мое собственное желание удерживало меня здесь, подле тебя. И теперь я не отойду, пока ты снова не будешь на ногах и совершенно здорова!

– Этого, Филипп, никогда не будет. Я чувствую, что пришла моя смерть; и если бы не ты, дитя мое, с какою радостью покинула бы я эту жизнь! Я уже давно умирала, Филипп, и давно, давно молила Бога о смерти.

– А почему, так, матушка? – спросил Филипп. – Кажется, я делал все, чтобы не огорчать тебя!

– Да, ты был добрым сыном, дитя мое, и пусть Господь благословит тебя за это. Не раз я видела, как ты сдерживал свой буйный, неукротимый нрав и справедливый гнев в угоду мне. Было время, когда даже голод не заставил тебя выйти из повиновения твоей матери. А между тем ты должен был думать тогда, что я или помешанная, или неразумная, что так упорно стою на одном и при этом не объясняю никаких причин. Но погоди немного, я сейчас буду продолжать... сию минуту.

Она повернула голову на подушке и в течение нескольких минут молчала, потом, как бы собравшись с силами, продолжала:

– Я сама думаю, что временами я была безумной. Не правда ли, Филипп? Но знает Бог, что я носила в душе своей тайну, которая могла свести с ума каждую женщину. Это тайна тяготела надо мной день и ночь; она удручала меня, туманила мой рассудок и теперь, наконец, благодарение Богу, одолела и изнурила это брэнное тело. Окончательный удар нанесен, я это чувствую, и теперь мне остается только сказать тебе все... И все же я не хотела бы тебе говорить об этом: ведь эта тайна удручит и твою душу, как она столько лет томила и удручала мою.

– Матушка, – вымолвил Филипп, – умоляю тебя, не скрывай от меня долее этой ужасной тайны, которая столько времени убивала тебя! Будь замешано в ней само небо или сам ад, я ничего не побоюсь: небо не погубить меня, а с сатаной я справлюсь!

– Я знаю, сын мой, что ты смел, отважен и силен духом, и если кому-либо под силу нести это бремя, то только тебе, Филипп. Для меня, – увы! – оно оказалось слишком непосильным, и теперь я вижу, что мой долг сказать тебе все.

Некоторое время больная молчала, как бы сосредоточивая свои мысли на том, что она собиралась сообщить сыну; крупные, молчаливые слезы сбегали у нее по щекам; наконец она собралась с духом и как будто несколько приободрилась.

– Я буду говорить тебе о твоём отце, Филипп, – начала она, – люди думают, что он погиб в море...

– А разве он не погиб? – спросил Филипп удивленно.

– Нет...

– Но ведь он давно уже умер, не правда ли, матушка?

– Нет... то есть да, и все же нет! – ответила растерявшаяся женщина, закрыв лицо руками.

– Она бредит, – подумал про себя Филипп, но тем не менее продолжал расспрашивать.

– В таком случае где он, матушка, где мой отец? При этом вопросе больная подняла голову и, содрогнувшись всем телом, отчетливо и ясно произнесла:

– Он заживо осужден Судом Божиим! Страшное проклятие лежит на нем, сын мой!

И несчастная женщина с воплем откинулась на подушки, закрывая лицо простыней, словно хотела укрыться от своих собственных воспоминаний. Филипп же был до того смущен и поражен услышанным, что не мог выговорить ни слова. Несколько минут длилось тягостное молчание. Наконец, не будучи в состоянии выносить долее эту мучительную неизвестность, юноша едва слышно прошептал:

– Открой же мне тайну, матушка, не медли долее, молю тебя!

– Теперь я могу сказать тебе все! – продолжала больная, и голос ее звучал как-то особенно торжественно. – Нрав у твоего отца был такой же, как у тебя, пылкий, отважный, решительный и настойчивый, и пусть его страшная участь послужит тебе назиданием, дорогое дитя мое! Он был превосходный моряк: искусный, опытный, смелый, – словом, моряк, каких мало. Родился он не здесь, а в Амстердаме, но жить там он не захотел, так как был ревностный католик, а голландцы, ты знаешь, еретики! Уж более семнадцати лет прошло с тех пор, как отец отплыл в последний раз в Индию на своем превосходном судне «Амстердамец» с весьма ценным грузом. Это было его третье плавание в Индию, и вместе с тем оно должно было быть и последним, если то было угодно Богу, так как отец твой приобрел в свои предыдущие плаванья много денег и, купив свое судно, израсходовал на него только часть своих денег, а потому еще одно путешествие в Индию обеспечило бы его и семью на всю жизнь. Как часто мечтали мы с ним о том, что станем делать, когда он вернется! Эти мысли утешали меня и в его отсутствие; я горячо любила его, Филипп, и он всегда был ласков, нежен и добр ко мне. О, как я ждала его возвращения! Незавидна судьба жены моряка: сколько долгих, мучительных дней и ночей, недель и месяцев проводит она, одиноко прислушиваясь в непогоду к завыванию ветра, к вою бури, предвещающим гибель и смерть, разорение и вдовство. Прошло месяцев шесть со времени его отъезда; оставался еще целый год мучительного ожидания, а то, быть может, и больше. Однажды ночью ты крепко спал, а я сидела над тобой, оберегая твой сон, и, опустившись на колени у твоей постельки, молила Бога за тебя и за него, за твоего отца... нимало не подозревая, что он был проклят... так страшно проклят!..

Она остановилась, чтобы перевести дух, затем продолжала:

– Оставив тебя спящим, я сошла вниз, в ту комнату, которая после той страшной ночи оставалась запертой по сие время. Я села к столу и стала читать: ведь в бурную ночь жены моряков редко могут спать. Время было за полночь. На дворе ливнем лил дождь; мне было почему-то особенно страшно и жутко. Я встала, подошла к кропильнице, в которой, как всегда, была святая вода, и, обмакнув в нее пальцы правой руки, осенила себя крестом. В этот момент страшный порыв ветра с воем налетел на наш дом и напугал меня еще сильнее. Вдруг ставни и рамы распахнулись, свеча погасла, и я осталась в совершенных потьмах. В ужасе я громко вскрикнула, но затем овладела собой и поспешила к окну, чтобы закрыть его, как вдруг увидела медленно влетающего в окно, – кого, ты думаешь? – Твоего отца! Да, это был твой отец!

– Боже милостивый! – пробормотал Филипп чуть слышным шепотом.

– Я не знала, что и думать! Он вошел в комнату, и хотя в комнате было совершенно темно, его фигура и лицо были так ясно видны, как в яркий полдень. Страх внушал мне мысль бежать от него, но любовь влекла в его объятия. Я осталась неподвижна на том месте, где стояла в этот момент, потрясенная до глубины души каким-то неведомым ужасом. Как только он вошел в комнату, окно и ставни закрылись сами собой, и свеча тоже заглась без того, чтобы он или я поднесли к ней спичку. Тогда у меня явилась мысль, что предо мной призрак, и, слабо вскрикнув, я лишилась чувств.

Придя в себя, я увидела, что была уже не на полу, где я упала, а на кушетке, и почувствовала в своей руке чью-то страшно холодную, мокрую руку. Подняв глаза, я увидела твоего отца подле меня, и это как-то сразу успокоило меня; на минуту я даже забыла об его неестественном появлении. Мне представилось, что его постигло какое-нибудь несчастье, и он преждевременно вернулся домой. Раскрыв свои объятия, я кинулась на шею моему возлюбленному супругу. Платье на нем было мокро от дождя, и сам он был так холоден, что мне показалось, будто я обняла льдину. Он принимал мои ласки, но не отвечал на них; не говорил ни слова, а только смотрел на меня таким задумчивым и скорбным взглядом, что у меня невольно сжалось сердце тяжелым предчувствием. «Вильям, дорогой мой Вильям! – воскликнула я. – Скажи же хоть слово твоей Катрине! Говори, что с тобой случилось, Вандердеккен!»

«Скажу, – произнес он медленно и торжественно, – сейчас скажу: у меня немного времени!»

«Ах, нет, нет, дорогой мой! Ты не должен снова уходить в море! Пусть даже твое судно погибло, только бы ты был жив! Только бы ты был здесь, подле меня; больше нам ничего не надо», – говорила я.

«Увы! Ты ошибаешься, Катрина, – промолвил он. – Слушай меня и не тревожься, прошу тебя; не прерывай меня; времени у меня мало: мое судно не погибло, но погибла моя... не говори ни слова, молчи и слушай. Я не умер, но и не жив; я блуждаю между этим миром и миром духов; запомни это!

Целых девять недель я упорно старался, вопреки стихиям, обогнуть мыс Бурь, но все напрасно! И вот я произнес страшную клятву. И вот еще целых девять недель я упорно боролся с противными ветрами и течениями и не мог пристать ни к какому берегу, не мог уйти вперед. Тогда я произнес хулу на Бога и все-таки продолжал упорно стремиться к своей цели. Люди, измороженные тяжелой, бесполезной работой, требовали, чтобы я вернулся в Столовый залив, но я не соглашался; мало того, я совершил убийство, правда, невольное, неумышленное, но все же убийство. Мой рулевой противился мне и подговорил экипаж связать меня, – и вот в порыве бешенства в тот момент, когда он схватил меня за воротник, я ударил его; он пошатнулся и от качки судна перелетел за борт, пойдя ко дну. Но и эта ужасная смерть не вразумила меня; и я поклялся частицей животворящего Креста Господня, хранящейся в этой ладанке, что теперь висит у тебя на шее, Катрина, поклялся, что поставлю на своем вопреки бурям и стихиям, во зло небу и аду, хотя бы мне для этого пришлось пробиться здесь до дня страшного Суда! Эту клятву запечатлел гром и целые потоки огненного дождя. Свирепый ураган налетел на судно, сорвал паруса, изорвал их в клочья; громадные валы заливали палубу, и среди черного мрака бурной ночи засияли начертанные пламенными буквами в воздухе слова: «До дня Страшного Суда!»! Слушай меня, Катрина, время мое сочтено. Есть еще для меня одна только надежда, и ради нее мне дано было явиться сюда: возьми вот это письмо! – С этими словами он положил на стол запечатанное письмо. – Прочти его, Катрина, дорогая моя, и постарайся, если можешь, помочь мне. Прочти его, а теперь прощай, мне пора!».

И опять окно и ставни сами собой распахнулись, свеча погасла, задутая порывом ворвавшегося в комнату ветра, и возлюбленный образ моего супруга стал уплывать во мраке.

Я вскочила на ноги и кинулась за ним, простирая к нему руки и отчаянно призывая его, в то время как он уносился через окно. С минуту жадный взгляд мой улавливал еще его образ, уносимый с быстротой молнии на крыльях бурного ветра, пока он не исчез, как мелкая искра, затерявшись во мраке непогодной ночи. И опять окно и ставни захлопнулись, свеча зажглась, и я осталась одна среди опустевшей комнаты...

– Господи, пожалей меня! Пожалей мою бедную голову!.. Филипп! Филипп, помоги мне!.. Помоги! – кричала несчастная женщина. – Не оставляй меня одну, молю тебя, не оставляй меня!

При этом обезумевшая женщина поднялась с постели, но при последнем выкрике упала на руки сына, успевшего подхватить ее как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть. Несколько минут она оставалась совершенно неподвижна. Наконец Филипп встревожился этой ее неподвижностью; он осторожно уложил ее в постель и вдруг заметил, что голова ее откинулась, а глаза закатились: несчастная вдова Вандердеккен умерла.

Глава II

Как ни был силен духом юный Филипп Вандердеккен, но, увидав, что душа его матери отлетела в лучший мир, он был сражен этим, как громом. Долгое время он оставался подле ее постели, не спуская глаз с усопшей, причем мысли его тревожно блуждали, ни на чем не останавливаясь. Мало-помалу он стал приходить в себя; он встал, оправил подушки и закрыл глаза покойнице, затем руки его сами собой молитвенно сложились, и горячие слезы покатились по его смуглым загорелым щекам. Запечатлев долгий прощальный поцелуй на бледном челе усопшей, он медленно задернул полог вокруг постели и с глубокою скорбью проговорил:

– Бедная матушка, наконец-то ты обрела покой, которого столько лет не знала твоя душа, но сыну своему ты оставила горькое наследье!

И мысли Филиппа невольно вернулись к воспоминаниям о всем только что пережитом им, и страшный рассказ матери ожил в его воображении, вызвав сумятицу в его мыслях.

Крепко сдавив руками виски, он старался привести свои мысли в порядок, чтобы разобраться в них и решить, что ему следует делать. Он чувствовал, что не имеет времени предаваться своему горю: мать его успокоилась теперь от всех земных забот и треволнений, но его отец не нашел еще желанного покоя. Где-то он теперь, где?

И Филипп припомнил слова матери: «Есть еще одна только надежда»... Значит, надежда есть; отец положил на стол письмо. Где же это письмо? Может быть, так и лежит, где было положено? Вероятно, так; у матушки не хватало духа взять его. А в этом письме заключалась надежда, и оно пролежало невскрытым более 17 лет.

И Филипп Вандердеккен решил осмотреть роковую комнату теперь же, безотлагательно, и узнать все! Но идти ли ему туда сейчас или дожждаться, когда рассветет? Да и где ключ от комнаты? Взгляд его случайно остановился на маленьком японском шкафчике, которого мать никогда не отпирала при нем; это было единственное вероятное место, где мог быть спрятан ключ. Не долго думая, юноша взял свечу и подошел к шкафчику; он оказался не заперт; дверки распахнулись, и Филипп стал выдвигать один ящичек за другим, но того, что он искал, нигде не было, все ящички до одного были пусты. Тогда у юноши мелькнула мысль, что в шкафчике могли быть потайные ящики, и он долго и внимательно стал искать их, но напрасно. Наконец он взял и вынул все ящички и разложил их на полу, а шкафчик снял со стены и потряс его, причем послышался шум, несомненно указывавший на то, что в одном углу шкафчика было потайное помещение, где находился ключ. Юноша стал доискиваться, как его добыть, но напрасно. Уже совсем рассвело, а Филипп все еще трудился над своей неблагодарной задачей. Наконец, совершенно намучившись, он решил взломать заднюю стенку шкафчика; с этой целью он сошел вниз, в кухню, и вернулся оттуда с небольшим кухонным ножом и молотком; став на колени, он принялся взламывать заднюю планку, как вдруг почувствовал, что кто-то положил ему руку на плечо.

Филипп вздрогнул: он был до того поглощен своей работой и своими мыслями, что не слышал приближающихся шагов у себя за спиной. Подняв голову, он увидел перед собой патера Сейсена, священника местного прихода, смотревшего на него строго и неодобрительно. Сейсену сообщили об опасном состоянии вдовы Вандердеккен, и добрый старик поднялся с рассветом, чтобы поспешить к болящей и принести ей утешение.

– Ай, ай, сын мой, – проговорил он, – неужели ты не боишься потревожить покой твоей матери? Неужели ты хочешь все расхитить и раскрасть в доме прежде даже, чем она успокоится в своей могиле?

– Нет, отец мой, – отвечал Филипп, – я не боюсь потревожить ее покой: она уснула сном праведных, – и не хочу ни раскрадывать, ни расхищать ничего! Я ищу не золота и не богатств, хотя если бы они были, они были бы мои теперь! Я ищу ключа, давно спрятанного в этом

потайном ящике, как я полагаю, но секрет которого свыше моего понимания, а потому стараюсь открыть его силой.

– Ты говоришь, что твоя мать скончалась? Что она умерла без утешения, которое могла ей принести наша святая церковь! Почему же ты, сын мой, не позвал меня?

– Потому что она умерла внезапно, умерла совершенно неожиданно у меня на руках, часа два тому назад. Я не боюсь за нее, хотя и сожалею, что вас не было подле нее в эту минуту.

Старик тихонько отдернул полог и взглянул на усопшую; затем окропил ее и постель святою водой и склонился над мертвой с немой молитвой об ее душе.

Спустя немного он обернулся к Филиппу:

– Скажи мне, почему я застал тебя за такой работой, и почему ты так стараешься добыть этот ключ? Смерть матери должна бы вызвать в тебе сыновние чувства, скорбь и молитвы об ее успокоении, но глаза твои сухи, а мысли, по-видимому, заняты совсем другим, хотя еще не успело остыть тело, в котором жил и томился дух твоей матери. Не подобает это и не приличествует подобное поведение доброму сыну... Какой же это ключ ты ищешь, Филипп?

– Нет у меня времени для слез, отец мой, ни для скорби и жалоб; и больше у меня дум и забот, чем их может вместить моя голова! А что я нежно любил свою мать, это вы знаете, отец.

– Но я спрашиваю тебя, какой ключ так понадобился тебе?

– Ключ от той комнаты, что оставалась запертой столько лет, и которую я должен и хочу отпереть, даже если...

– Даже если... что?

– Я чуть было не сказал того, чего не должен был говорить... Простите, отец мой, я хотел сказать, что должен обыскать и осмотреть эту комнату.

– Я давно уже слышал об этой запертой комнате, сын мой, и знаю, что мать твоя никогда никому не хотела сказать, почему комната эта оставалась всегда запертой. Я сам не раз спрашивал ее о том, но всегда получал отказ. Мало того, когда я однажды, в силу своего долга, попробовал допросить ее более настойчиво, то увидел, что разум ее мешается, что она как будто теряет рассудок, и потому отказался от дальнейших попыток. Какой-то тяжкий гнет тяготел над душой твоей бедной матери, но она даже и на исповеди никогда не пожелала поделиться им со мной или доверить мне свою тайну. Но перед смертью своей открыла она ее тебе, сын мой, или же так и унесла ее с собой в могилу?

– Она открыла ее мне, святой отец!

– Не чувствуешь ли ты потребности поделиться ею со мной? Быть может, я мог бы тебе быть полезен своею помощью или советом...

– Я рад был бы, отец, поделиться своей тайной с вами и мог бы это сделать, так как знаю, что не пустое любопытство побуждает вас спрашивать меня о ней, но дело в том, что сейчас я еще сам не уверен и не знаю, все ли было так, как утверждала моя бедная мать, или же все это только плод больного воображения. Если бы это оказалось действительной правдой, я с радостью поделюсь с вами этой непосильной тяжестью, но едва ли вы поблагодарите меня за это. Но сейчас я ничего не могу и не должен говорить вам; я должен сделать свое; дело, должен один войти в эту ненавистную комнату и сам убедиться во всем.

– Ты не чувствуешь страха, сын мой?

– Нет, отец, страх мне не знаком, на мне лежит долг, который я обязан исполнить, страшный, тяжелый долг, я сознаю, но молю вас, не спрашивайте меня ни о чем: я чувствую, как и моя покойная мать, что всякие расспросы способны пошатнуть мой рассудок.

– Нет, нет, Филипп, я не хочу настаивать! Быть может, придет время, когда я тебе понадоблюсь, и тогда ты обратишься ко мне, а теперь прощай! Но прошу тебя, прекрати, сын мой, эту неподобающую в настоящий момент работу: я должен сейчас прислать сюда женщин – убрать покойницу, душу которой Господь призвал к себе!

Говоря это, патер смотрел на Филиппа и увидел, что мысли юноши были где-то далеко; взгляд его, лишенный всякого выражения, блуждал как-то бесцельно по сторонам, ни на чем не останавливаясь, а лицо выражало недоумение, и старик отвернулся от него, озабоченно покачивая головой.

«Он прав, – подумал Филипп, оставшись один, – не следует так спешить с этим делом! – И, взяв шкафчик, он повесил его на прежнее место. – Несколько часов раньше или позже не составит никакой разницы; лучше я прилягу и отдохну; голова у меня тяжела».

Филипп прошел в смежную комнату, кинулся на свою постель и почти тотчас же заснул тем крепким, тяжелым сном, каким обыкновенно засыпают за несколько часов до казни приговоренные к смерти преступники.

Пока он спал, пришли соседи и приготовили все, что требовалось к похоронам бедной вдовы Вандердеккен. Они всячески старались не разбудить ее сына, зная, что должны разбудить его на горе.

В числе других после полудня явился и мингер Путс; он знал уже о смерти своей пациентки, но, имея свободный час времени, решил все-таки побывать у Вандердеккенов, рассчитывая на то, что это принесет ему лишний гильдер вознаграждения. Прежде всего он прошел в комнату, где лежала покойница, а оттуда в комнату Филиппа, которого потряс за плечо, желая его разбудить. Проснувшись, Филипп сел на постели и увидел стоящего перед ним доктора.

– Итак, мингер Вандердеккен, – заговорил бессердечный маленький человек, – все кончено! Я и знал, что это так будет! Но не забудьте, что мне теперь следует с вас еще один гильдер, и что вы обещали непременно уплатить мне за все; все, вместе с лекарством, это составит три с половиною гильдера, при условии, что вы вернете мне склянку из-под лекарства!

Филипп, который в первую минуту по пробуждении не мог дать себе вполне ясного отчета в том, что происходит, постепенно очнулся.

– Вы получите ваши три с половиною гильдера и вашу склянку тоже, господин Путс, – сказал он, вставая с кровати, – можете быть спокойны!

– Да, да... Я знаю, что вы намерены уплатить мне, если только будете в состоянии. Но вот, видите ли, мингер Филипп, это может быть будет еще не так скоро; неизвестно, когда еще вам удастся продать ваш домик. Вы, может быть, не скоро найдете на него покупателя. Но я не желаю слишком налегать на людей, когда у них нет денег, и вот что предложу. На шее у вашей покойной матушки есть маленькая вещица; она не имеет никакой ценности, решительно никакой, но для доброго католика это все-таки святыня. Так вот, желая вам помочь в вашем затруднительном положении, я готов взять эту вещицу, и мы с вами будем квиты! Я буду считать, что вы мне уплатили сполна, и дело будет с концом.

Филипп слушал внимательно; он знал, на что намекал это маленький негодяй: – на ту священную реликвию с частицей Животворящего Креста, над которой его отец произнес свою страшную клятву. Никакие миллионы не могли бы заставить его расстаться с этим предметом.

– Уходите отсюда! – резко произнес Филипп. – Уходите сейчас же! А деньги свои вы получите.

Но мингер Путс отлично знал, что оправа святыни, представлявшая собою небольшой квадратный ящичек из чистого массивного золота, стоила в десять раз более того, чем ему следовало получить; кроме того, ему было известно, что и самая святыня стоит громадных денег, и так как в то время такие святыни ценились очень высоко, то был уверен, что выручит за нее очень почтенную сумму. Прельстившись ею в тот момент, когда он был в комнате усопшей, он снял ее с шеи покойницы и спрятал у себя на груди. А потому он продолжал уговаривать Филиппа:

– Мои условия выгодные, мингер Филипп, и вам лучше было бы согласиться на них. Ну, какая вам может быть польза от такого хлама?

– Я сказал вам, что нет! – крикнул Филипп, выведенный из себя.

– Ну, в таком случае вы оставите у меня эту вещицу впредь до уплаты мне вашего долга, мингер Вандердеккен! Это будет справедливо! Ведь вы сами понимаете, что я не могу терять своего. Как только вы принесете мне следуемые с вас три с половиной гильдера и склянку из-под лекарства, я возвращаю вам вашу безделушку.

На этот раз негодование Филиппа не знало уже границ: он схватил мингера Путса за шиворот и вышвырнул его за дверь.

– Вон! – крикнул он. – Сию минуту вон!.. Не то... Ему не пришлось докончить своей угрозы, потому что маленький доктор с такой поспешностью постарался убраться, что скатился кубарем с половины ступеней лестницы и теперь ковылял уже через мост. Он почти жалел в эту минуту, что святыня была в его руках, но его поспешное отступление помешало ему вернуть реликвию, даже если бы он имел к тому желание.

Естественно, что вся эта сцена привлекла внимание Филиппа к упомянутой святыне, и он отправился в комнату матери, чтобы снять с ее шеи реликвию и взять ее себе. Когда он отдернул полог и протянул руку к черной ленте, на которой висела золотая коробочка, ее уже больше не было.

– Исчезла! – воскликнул он. – Они никогда не решились бы снять с нее реликвию, никогда! Это, без сомнения, сделал этот негодяй Путс! Все равно, я не оставляю у него нашу святыню, я отниму у него, даже если бы он проглотил ее! Вырву ее, хотя бы мне пришлось для этого разорвать его самого на части!

С этими словами Филипп сбежал вниз по лестнице, выбежал из дома, одним прыжком очутился по ту сторону канавы и без шляпы и камзола помчался что есть мочи по направлению к одинокому жилищу доктора.

Соседи, видя, как он неся мимо них с быстротой ветра, только качали головой. Между тем Мингер Путс был всего на полпути, так как зашиб себе колено и не мог бежать особенно скоро. Предчувствуя, что должно было случиться в случае, если его похищение обнаружится, он время от времени оборачивался и оглядывался назад. И вот, к великому своему ужасу, он вдруг увидел Филиппа Вандердеккена, в некотором расстоянии бежавшего за ним. Испугавшись чуть не до потери сознания, несчастный похититель не знал, что ему делать: «Остановиться и вернуть похищенную вещь», – мелькнула у него мысль, но страх перед бешеным нравом молодого Вандердеккена остановил его в этом намерении, и он решил бежать, что есть сил, надеясь успеть укрыться в своем доме и забаррикадироваться в нем.

Путс был вынужден бежать очень быстро, и его тоненькие ножки несли его тщедушное тело так быстро, как только могли, но Филипп, убедившись, что похититель старается от него ускользнуть, заключил из этого, что предположение его было верно, и потому ускорил свой бег и стал быстро нагонять старика. Находясь всего в каких-нибудь ста шагах от своего дома, Путс услышал за собой совершенно близко шаги нагонявшего его юноши; обезумев от страха, он стал делать невероятные для его роста прыжки; отчаяние удваивало его силы; но погоня все ближе и ближе; он слышал даже порывистое дыхание юноши.

Не помня себя от страха, старик пронзительно крикнул, как заяц, схваченный гончими. Филипп был всего в нескольких шагах от него, он протянул даже руку, чтобы схватить его, как вдруг старик рухнул, как подкошенный, прямо под ноги молодому человеку, который в силу инерции не смог удержаться и, перескочил через него, пробежал еще несколько шагов вперед, спотыкаясь и стараясь вернуть себе утерянное равновесие, но не мог и, запнувшись за камень, покатился на землю, перевернувшись раз, другой. Это обстоятельство спасло маленького доктора; тот успел вскочить на ноги, и прежде, чем Филипп успел подняться на ноги и догнать его, он уже вскочил в дом и засунул двери тяжелыми железными болтами и засовами изнутри.

Но Филипп решил во что бы то ни стало вернуть себе свою фамильную святыню и, добежав до дверей жилища врача, стал искать глазами средства ворваться в него и в стенах дома расправиться с маленьким негодяем.

Однако в виду того что жилище доктора стояло одиноко, им были приняты все меры предосторожности, чтобы оградить его от возможного вторжения воров и грабителей. Все окна нижнего этажа были плотно заперты железными ставнями и укреплены крепкими засовами, а окна верхнего этажа были расположены слишком высоко, чтобы до них можно было добраться снаружи.

Здесь мы должны сказать, что хотя мингер Путс пользовался общей известностью как весьма искусный врач, имевший обширную практику, – с другой стороны, он был всем известен как человек черствый, бессердечный и неприветливый, и никто никогда не переступал порога его дома, да никто и не имел к тому ни малейшего желания. Он стоял так же одиноко среди своих сограждан, как и его жилище за чертою города. Его видели только у постели больных и умирающих, и даже люди, пользовавшиеся его услугами, не знали, как он живет, и из чего состоит его помещение. Когда он впервые поселился в этой местности, то на стук в его дверь нередко отвечала старая дряхлая женщина, но ее схоронили несколько времени тому назад, и с тех пор дверь приотворял посетителям сам мингер Путс, когда он был дома, или же, если его не было, дверь так и оставалась запертой, сколько бы в нее ни стучали. На этом основании полагали, что старик живет совершенно один, будучи слишком скарёдным, чтобы держать прислугу. То же самое думал и Филипп, и как только он немного отдышался, то стал сейчас же измышлять средство, как бы добыть похищенное сокровище, да еще, кроме того, порядком отомстить старому негодяю.

Но дверь была тяжелая, массивная, и взломать ее не представлялось никакой возможности. С минуту Филипп размышлял, и по мере того, как он обсуждал положение, гнев его спадал, и он решил, что достаточно будет вернуть себе реликвию, не прибегая к насилию, и потому, не предпринимая никаких враждебных действий, он крикнул достаточно громко, чтобы быть услышанным:

– Мингер Путс, я знаю, что вы меня слышите! Отдайте мне то, что вы взяли у меня, и я не сделаю вам никакого зла! Если же вы не отдадите добровольно, то пеняйте на себя за последствия. Предупреждаю вас, что я не сойду с этого места прежде, чем вы не поплатитесь жизнью за ваш поступок!

Действительно, Путс слышал каждое слово Филиппа, но теперь этот жалкий человек успел уже оправиться от своего испуга и, чувствуя себя в безопасности за крепкими стенами и запорами, никак не мог решиться вернуть реликвию без борьбы. Ввиду этого доктор ничего не отвечал, рассчитывая, что терпение Филиппа истощится, и тогда путем известного соглашения, например, уступкой Филиппу, взамен святыни, несколько гильдеров, ему удастся удержать в своих руках реликвию, которую он надеялся продать за весьма высокую цену.

Молодой человек, видя, что не получает никакого ответа, прибегнул сначала к крепким ругательствам и довольно убедительным увещаниям, затем решил принять меры, сами по себе весьма не похвальные, но действительные. Неподалеку от дома находился свал сухого валежника, а у стены дома была сложена маленькая поленица дров, припасенных для отопления дома. Этими матерьялами и вздумал воспользоваться Вандердеккен с целью поджога, – и тем если не вернуть себе своей святыни, то по крайней мере дать полное удовлетворение своему чувству мести.

Притащив несколько охапок хвороста, он навалил их перед дверью дома, а на него наложил несколько поленьев и старого строительного хлама, валявшегося поблизости, так что завалил им всю дверь до верха. Затем он высек огонь с помощью трута и огнива, которые каждый голландец всегда имеет при себе.

Спустя несколько минут костер запылал. Дым целыми столбами стал подыматься под крышу, тогда как внизу свирепствовало пламя. Самая дверь загорелась, и пламя жадно лизало ее со всех сторон, а Филипп шумно радовался успеху своей затеи.

– Ну, негодный святотатец, надругавшийся над покойницей, ограбивший мертвую, жалкий, подлый вор, теперь ты испытаешь на себе мое мщение! – кричал Филипп. – Если ты не выйдешь, то погибнешь в огне; если же попытаешься выбежать, то умрешь от моей руки! Слышишь, негодяй!

Едва только он успел выкликнуть эти последние слова, как окно верхнего этажа, наиболее отдаленное от горящей входной двери, распахнулось.

– Ага, теперь ты начнешь молить и просить о пощаде; но нет!.. – Вдруг Филипп прервал свою речь, пораженный тем, что он увидел в окне, и что он принял за видение: вместо безобразного маленького старикашки он увидел чудной красоты юное существо, девушку лет шестнадцати или семнадцати, ангельской красоты, с выражением невозмутимого спокойствия и полного решимости самообладания среди грозящей опасности. Ее длинные черные волосы красиво обрамляли изящной формы головку; большие, очень темные глаза светились мягким, добрым выражением; высокий, белый лоб, прекрасно закругленный подбородок, украшенный кокетливой ямочкой, и яркие, красивого рисунка губы при тонком и прямом небольшом носике с нервными подвижными ноздрями делали из нее редкую красавицу, прелестнее которой трудно было даже вообразить.

Среди пронесившегося мимо окна густого дыма и языков пламени, временами взлетающих до второго этажа, это прелестное видение, невозмутимо спокойное, напоминало художественное изображение какой-нибудь святой мученицы на костре.

– Чего ты хочешь здесь, буйный, неукротимый юноша? За что обрек ты на смерть обитателей этого мирного дома? – спросила девушка сдержанным спокойным тоном.

Некоторое время Филипп молча смотрел на нее, не будучи в силах ничего ответить; затем вдруг понял, что в своей слепой мести он готов был принести в жертву эту красоту, и, забыв о всем, кроме грозившей девушке опасности, принялся растаскивать горящий материал воздвигнутого им костра, пока от него не осталось ни одного прута, кроме горящей и тлеющей входной двери дома. Но и эту последнюю он поспешил затушить комьями сырой земли. Во все время этой деятельной работы Филиппа девушка молча наблюдала за ним.

– Теперь опасность миновала! – сказал Филипп. – Да простит мне Бог, что я, сам того не зная, покусился на столь драгоценную жизнь. Я хотел отомстить одному лишь мингеру Путсу!

– А какой повод мог этот человек подать вам для столь ужасного мщения? – спросила девушка все так же спокойно.

– Какой повод, спрашиваете вы! Повод такой, что, придя в мой дом, он святотатственно ограбил покойницу, сняв с тела моей усопшей матери священную реликвию громадной ценности.

– Ограбил покойницу?! Нет, этого не мог он сделать; вероятно, вы ошиблись, молодой человек, или говорите на него напраслину!

– Нет, нет, клянусь вам всем святым, что это правда. Эту реликвию я должен во что бы то ни стало вернуть себе! Вы не знаете, что от этого зависит для меня и для других!

– Погодите, молодой человек! – проговорила девушка. – Я сейчас вернусь!

Филипп ждал некоторое время, не будучи в силах побороть в себе чувство восхищения и удивления: такая чудесная девушка жила в доме мингера Путса, и никто не знал об этом. Кто могла она быть? И пока он размышлял об этом, серебристый голос той, о которой он думал, неожиданно окликнул его из окна, причем у девушки в руке была черная лента, а на ней висела неоцененная святыня, из-за которой произошла вся эта сцена.

– Вот ваша реликвия, сударь, – сказала молодая девушка, – возьмите ее! Я очень сожалею, что мой отец решился на такой поступок, который мог действительно возбудить ваш гнев! Но вот я возвращаю вам вашу святыню, – добавила она, роняя ее к ногам Филиппа, – и теперь вы можете идти с миром.

– Ваш отец! Неужели этот человек ваш отец? – воскликнул Филипп, забывая даже подняться с земли лежащую у его ног реликвию.

Девушка собиралась отойти от окна, не удостоив его ответом, но он заговорил снова, обращаясь к ней:

– Подождите, сударыня, подождите всего еще одну минуту, пока я испрошу у вас прощения в своем необузданном и диком поведении! Клянусь вот этой святыней, – продолжал он, подняв золотой ящичек с земли и держа его перед собой, – что если бы я знал, что в этом доме находится безвинное существо, я никогда бы не решился на мой безумный поступок, – и как благодарю я Бога теперь, что никакого несчастья от этого не произошло! Однако опасность не совсем еще миновала; надо отпереть дверь и затушить порог ее, который все еще тлеет, и от которого может загореться весь дом. Не бойтесь, сударыня, за вашего отца: если бы даже он причинил мне во сто раз больше зла, вы могли бы отстоять каждый его волос. А что я всегда держу свое слово, это он может вам удостоверить; так позвольте же мне исправить то зло, которое я причинил вашему дому, затем я уйду!

– Нет, нет... не верь ему! – закричал из глубины комнаты Путс.

– Ему можно верить! – твердо и спокойно возразила молодая девушка. – И его услуги могут быть нам очень полезны. Подумай, что могу в данном случае сделать я, слабая девушка или ты, еще более слабый старик? Отопри дверь, отец, и позволь ему обезопасить наш дом от возможного несчастья! – Затем, обращаясь к Филиппу, она добавила: – Отец отперет вам дверь, и я спущусь и поблагодарю вас за ваши услуги! Я всецело доверяюсь вашему слову, молодой человек, и полагаюсь на него!.

– Никто не может сказать, чтобы я когда-нибудь не сдержал своего слова! – сказал Филипп. – Но пусть отец ваш поторопится: пламя снова выбивается из-под двери!

Дрожащими руками отпер мингер Путс дверь и поспешно отретировался наверх. Теперь только стало ясно, как прав был Филипп; ему пришлось вылить не одно ведро воды на порог, прежде чем удалось окончательно залить огонь. За все время, пока он работал, ни отец, ни дочь не показывались.

Когда дело было сделано, Филипп запер дверь и, выйдя на улицу, взглянул на окно второго этажа. Из него тотчас же выглянула молодая красавица, и юноша покорным тоном успокоил ее, что теперь всякая опасность миновала.

– Благодарю вас, молодой человек, – сказала она, – хотя ваше поведение было несколько необдуманно и безрассудно сначала, но зато впоследствии вы были вполне благоразумны и добры! Еще раз благодарю вас.

– Передайте вашему отцу, барышня, что я не имею против него никакой злобы и вражды, и что дня через два зайду к нему и принесу свой долг!

Окно закрылось, и Филипп, еще более возбужденный, чем раньше, но переполненный совершенно иными чувствами, чем те, с какими он явился сюда, направился теперь к своему дому.

Глава III

Прекрасная дочь мингера Путса произвела на Филиппа Вандердеккена сильное впечатление, и теперь новое чувство присоединилось ко всем другим чувствам, волновавшим его душу. Придя домой, он поднялся наверх и кинулся на постель, с которой его поднял приход Путса. Сначала в его воображении носился прелестный образ девушки, но воспоминание о ней вскоре изгнало мысль о том, что в смежной комнате лежит тело его матери, а тайна его отца остается нераскрытой там, внизу, в запертой комнате.

Похороны должны были состояться на другой день утром, и Филипп, который со времени своего знакомства с прекрасной дочерью безобразного доктора даже в собственных своих глазах охладел до известной степени к страшной тайне своей покойной матери, решил не открывать таинственной комнаты раньше похорон. На этом он заснул. Измученный и душевно, и физически, он проспал до следующего утра, когда священник разбудил его для присутствия при погребении матери.

Час спустя все было кончено; провожавшие разошлись по домам, а Филипп, вернувшись в свое опустелое жилище, запер за собою дверь на тяжелый засов и почувствовал известное облегчение при сознании, что он теперь один, и никто не может ему помешать.

Войдя в комнату, где всего только час тому назад лежало тело его матери, Филипп снял со стены японский шкафчик и возобновил свою прерванную накануне работу; вскоре задняя стенка шкафчика была отбита, и потайной ящичек обнаружен. Выдвинув его, Филипп нашел в нем, как и предполагал, большой ключ, покрытый легким налетом ржавчины. Под ключом лежала сложенная записка, немного выцветшая от времени. Записка была писана рукою его матери, и содержание ее было следующее:

«Прошло уже две ночи с тех пор, как ужасный случай, происшедший внизу, побудил меня закрыть и запереть на ключ ту комнату, где это произошло, и до сих пор мне кажется, что мозг мой разлетается на части от неописуемого чувства ужаса и страха. В случае, если бы я при жизни своей не успела никому открыть того, что там произошло, все равно ключ этот понадобится, так как после моей смерти комнату эту должны будут открыть. Выбежав из нее, я убежала наверх и весь остаток этой ночи провела подле моего ребенка. На следующее утро я собралась с силами и спустилась вниз, заперла комнату, вынула ключ и принесла его наверх в свою спальню. Комната эта должна теперь оставаться запертой до тех пор, пока смерть не сомкнет мои глаза. Никакие лишения, никакая нужда не заставят меня отпереть ее, хотя в железном ларце под буфетом, стоящим дальше от окна, достаточная сумма денег для удовлетворения всех моих потребностей. Пусть эти деньги останутся там для моего ребенка, который, если я не успею сообщить ему роковой тайны, пусть утешится тем, что тайна эта так ужасна, что ему лучше ничего не знать о ней и о причинах, заставивших меня поступить так, как я это сделала. Ключи от шкафа и буфета, а также от железного ларца, если не ошибаюсь, остались на столе или в моей рабочей корзинке. Кроме того, на столе должно быть письмо: по крайней мере, я так думаю. Оно запечатано и не вскрыто. Пусть никто не вскрывает его, кроме моего сына, и он пусть не вскрывает его, если раньше не узнает тайны. Пусть это письмо сожжет наш уважаемый патер, так как на письме лежит проклятие. И даже в том случае, если моему сыну будет все известно, пусть он прежде хорошенько подумает и взвесит свое решение и потом только сорвет печать: лучше для него не знать ничего больше!»

— Не знать ничего больше! — повторил Филипп, не отрывая глаз от записки. — Но, дорогая матушка, я хочу и должен знать больше! Прости мне, дорогая, если я, вопреки твоему желанию, не стану терять времени на размышления: это было бы даром потраченное время, раз я уже бесповоротно решил узнать все, что касается этой тайны.

Набожно приложившись губами к подписи матери, Филипп, не торопясь, сложил записку, положил ее в карман и, взяв ключ, пошел вниз.

Было около полудня, когда Филипп подошел к запертой двери роковой комнаты. Солнце ярко светило; небо было ясно, и все кругом в природе улыбалось. Сказать, что, отпирая дверь, Филипп не испытывал жуткого чувства, было бы неверно: ему было жутко, и сердце его дрогнуло, когда, повернув с некоторым усилием ключ в замке, он толкнул дверь и распахнул ее. Но у него был достаточный запас мужества и самообладания, чтобы справиться с этим жутким чувством. Тем не менее он не сразу вошел в комнату; он остановился на пороге: ему казалось, что он вторгается в убежище какого-то бестелесного духа, который вот-вот предстанет перед ним. Обождав минуту, он переступил за порог и стал оглядывать комнату.

Он не мог хорошо различить предметы, так как ставни были закрыты, и только через щели в них врывались в комнату три ярких луча солнечного света, показавшихся ему в первый момент чем-то сверхъестественным. Чтобы лучше разглядывать предметы, Филипп принес из кухни свечу и с глубоким вздохом облегчения вернулся в таинственную комнату.

Все было тихо. Стол, на котором должно было лежать письмо, стоял за дверью и потому в данный момент был скрыт от глаз Филиппа. Твердыми шагами прошел юноша через комнату к окну с намерением раскрыть ставни, но при воспоминании, каким сверхъестественным образом эти ставни распахнулись и затем снова закрылись в последний раз, руки его слегка задрожали.

Когда ставни были раскрыты, целое море света ворвалось в комнату и на мгновение ослепило юношу, и, страшно сказать, этот ворвавшийся сюда веселый дневной свет смутил Филиппа больше, чем царивший здесь раньше полумрак. Со свечой в руке он поспешил выйти на кухню и здесь, опустив голову на руки, просидел некоторое время в глубокой задумчивости, прежде чем собрался с духом снова вернуться в ту комнату.

На этот раз он вошел уже совершенно смело и ясно отдавал себе отчет в том, что он видел.

В комнате было всего только одно окно; против входной двери находился камин, а по обе стороны его стояло по высокому буфету темного дуба. Пол комнаты был чист, несмотря на то, что пауки протянули по нему во всех направлениях свои паутины. С середины потолка спускался зеркальный шар, обычное в то время украшение гостиных; но и он был окутан густой сетью паутин, так что напоминал громадный кокон. Над камином висело две или три картины в рамах со стеклами, затянутыми сплошным слоем пыли, сквозь который трудно было различить что-нибудь. На камине стояло художественной работы изображение Пресвятой Девы Марии из чистого серебра в небольшом киоте из того же металла; но все это потемнело и потускнело настолько, что скорее походило на темную бронзу или чугун. По обе стороны этой святыни красовались индийские фигурки и вазочки с цветами. Стекланные дверцы буфетов также были запылены настолько, что едва можно было различить, что скрывалось за ними; только там и сям можно было заметить блеск серебра, которое за стеклом не успело еще совершенно почернеть.

На стене против окна висели тоже картины в рамах с запыленными стеклами, а также две птичьих клетки. Филипп приблизился к ним и заглянул: конечно, бедные пленницы давно покончили свое существование, но на дне клеток лежали маленькие грудки светло-желтых перышек, по которым можно было безошибочно сказать, что маленькие птички, жившие здесь, были вывезены с Канарских островов. Филипп, по-видимому, решил раньше все осмотреть, а потом уже разыскать то, что его всего более интересовало в этой комнате, и чего он всего более опасался и вместе с тем желал найти.

В комнате было несколько стульев и кресел, и на одном из них лежало что-то из белья. Филипп взял в руки и убедился, что то была детская рубашечка, вероятно, принадлежавшая ему, когда он был ребенком. Наконец, пришла очередь и той стене, в которой была пробита дверь, и которая находилась против камина. По этой стене, за стоявшей теперь открытой дверью, находился стол, кушетка, рабочая корзинка его матери и, вероятно, роковое письмо. Когда

он повернул за дверь, пульс его сильнее забился, но он сделал над собою усилие и овладел собой. Прежде всего он обратил свое внимание на стену, где было развешано разное оружие, затем взгляд его скользнул по столу и стоящей позади его кушетке, на которой, как утверждала его мать, она сидела в тот вечер, когда его отец посетил ее. Рабочая корзинка со всеми принадлежностями рукоделия стояла на столе, там, где она ее оставила. Ключи, о которых она упоминала, тоже были тут, но сколько ни смотрел Филипп, письма он нигде не видел. Он подошел ближе, но ни на столе, ни на кушетке, ни даже на полу письма не было. Он приподнял рабочую корзинку, желая убедиться, не попало ли оно под нее, но нет! Тогда он пересмотрел все, что было в корзинке, но письма не оказалось. Затем он приподнял и перевернул все подушки на кушетке, но и здесь никаких признаков письма не было. Тут Филипп почувствовал, как будто с его души свалился тяжелый камень. «Вероятнее всего, – подумал он, – это все была просто игра больного воображения. Матушка, должно быть, уснула, и ей приснилась вся эта ужасная история. Я так и думал, что это невероятно; по крайней мере, я надеялся, что этого не могло быть. Без сомнения, сон был слишком ярок, слишком жив и слишком похож на страшную действительность, и отчасти повлиял на мозг моей бедной матушки; этим все и объясняется». Филипп подумал еще и в конце концов пришел к убеждению, что его предположение было верно.

«Наверное так и было! – решил он. – Бедная матушка! Как много ты выстрадала из-за этого сна; но теперь ты удостоилась награды в небесах и вкусила, наконец, желанный покой!».

Немного спустя Филипп достал из кармана записку, найденную им вместе с ключом, и стал ее перечитывать. «В железном ларце, под буфетом, что стоит дальше от окна», – прочел он. – Так! И, взяв со стола связку ключей, он пошел к указанному буфету. Подобрав ключ, он открыл деревянные дверцы, скрывавшие железный ларец, а другим ключом из связки открыл и самый ларец. Глазам Филиппа предстало настоящее богатство; здесь было, насколько он мог судить, до десяти тысяч гильдеров, все в маленьких желтеньких мешочках. «Бедная матушка, – подумал юноша, – и простой сон мог довести тебя до нужды, почти до нищеты, когда в твоём распоряжении было целое состояние!». Затем Филипп положил все желтые мешочки на место и запер ларец и буфет, предварительно взяв из него на свои немедленные нужды из одного наполовину пустого мешочка несколько золотых монет. Затем внимание его привлекла верхняя часть буфета, которую он открыл опять же с помощью одного из ключей на связке. Здесь он нашел дорогой фарфор, серебряные сосуды, чаши и брашны большой стоимости. Полюбовавшись всем этим, юноша замкнул дверцы буфета и кинул ключи на стол.

Неожиданное богатство еще более укрепило в нем убеждение, что никакого сверхъестественного видения, в сущности, не было, и это весьма ободрило его, вызвав в его душевном настроении полную реакцию. Опустившись на кушетку, он дал волю своим мыслям, которые неизбежно возвращались к прелестному видению в окне дома мингера Путса; воображение его создавало, помимо его воли, чудесные воздушные замки и картины полнейшего благополучия. Так он просидел часа два, но затем его мысли снова вернулись к воспоминаниям об его бедной матери и ее тяжелой кончине.

«Милая, добрая матушка! – сказал он почти вслух, приподымаясь с кушетки. – Здесь ты сидела, переутомленная долгим бдением над моей кроваткой, измученная тревогой за твоего возлюбленного супруга и моего отца, отсутствующего давно, и которому в такую бурную ночь грозили тысячи опасностей. И встревоженное воображение порождало в твоей душе страшные предчувствия, а лихорадочный сон создал всю эту ужасающую картину страшного видения. Без сомнения, это было так! Вот и вышивка твоя лежит на полу, на том месте, как она выпала из твоих обессиленных во время сна рук; и, быть может, с этой минуты погибло счастье всей твоей жизни! Бедная, бедная матушка, – продолжал он, смахивая слезу со щеки и нагибаясь, чтобы поднять кусочек кисеи, по которой она вышивала, – как много ты страдала!.. Боже правый! – вдруг прервал он себя подавленным восклицанием и отпрянув назад с кусочком вышивки в

руке. – Да, вот оно, это письмо!..» – едва договорил он, всплеснув руками и опустив голову как под неожиданным ударом.

Действительно, на полу, под лоскутком вышивки лежало роковое письмо капитана Вандердеккена. Если бы Филипп нашел это письмо на столе, когда он вошел в комнату, как он того ожидал, он, вероятно, взял бы его в руки сравнительно спокойно, по теперь, когда он успел уже уверить себя, что ничего подобного не было, что все это было плодом болезненного воображения его матери, теперь, когда он уже предвкушал близкое благополучие, это было для него таким ударом, который на некоторое время совершенно парализовал его, так что он остался на месте, не будучи в силах прийти в себя от охватившего его ужаса и недоумения. Все его воздушные замки рухнули, и по мере того, как он приходил в себя после минутного оцепенения, душа его наполнялась тяжелыми предчувствиями. Наконец он быстро нагнулся, схватил роковое письмо и выбежал из комнаты.

«Я не могу, не смею читать его здесь! – воскликнул он. – Нет, только под открытым небом, перед лицом оскорбленного Божества могу я ознакомиться с содержанием этого письма!». – И, взяв шляпу, Филипп вышел на улицу. С затаенным в груди отчаянием запер он за собою дверь дома, вынул ключ и зашагал по улице, не зная сам куда.

Глава IV

Пусть читатель представит себе чувства приговоренного к смерти преступника, примирившегося уже со своей участью и узнавшего затем, что он помилован, вновь ожившего для надежд и рисующего себе отрадное будущее, и которому вдруг объявляют, что помилование не утверждено, и ему предстоит казнь. Таково именно было душевное состояние Филиппа, когда он вышел из своего дома. Долго шел он, не замечая куда, зажав в кулаке письмо и плотно стиснув зубы, но постепенно становился спокойнее; наконец, запыхавшись от быстрой ходьбы, опустился на скамейку и долго сидел, уставившись глазами на роковое письмо, которое он теперь держал обеими руками у себя на коленях.

Машинально он вертел его в руках, разглядывая со всех сторон; письмо было запечатано черной печатью. Филипп вздохнул. – «Нет – сказал он, – я не могу прочесть его теперь». – С этими словами встал и пошел дальше.

Еще с полчаса он шел, не останавливаясь, куда глаза глядят. Солнце стояло уже низко. Филипп остановился и смотрел на него до тех пор, пока у него не зарябило в глазах. Тогда юноша огляделся кругом, ища такого места, где бы укрыться от прохожих и без помехи взломать печать и прочесть это страшное письмо из другого, неведомого ему мира.

Маленькая группа кустов, расположенных перед небольшой рощицей, кинулась ему в глаза в нескольких шагах от того места, где он стоял. Он уже давно вышел в город: расположившись в кустах, он еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что никто из прохожих не может его увидеть или помешать ему.

Мало-помалу он почувствовал успокоение и, глядя на заходящее солнце, склонявшееся все ближе и ближе к земле, наконец произнес:

«Видно, такова Твоя воля, Господи, и такова, знать, моя судьба! Медлить нечего!».

Он собирался уже сорвать печать, как вдруг вспомнил, что письмо это было вручено его матери не обыкновенным смертным, что оно содержало тайну бесплотного духа, осужденного или обремененного страшным закланием, что эта тайна касалась его родного отца, и что только в этом письме заключалась единственная оставшаяся у него надежда на спасение, о котором зывал и молил его бедный отец.

«Трус! – воскликнул укоризненно юноша по своему адресу. – Как мог я потерять столько времени! Солнце как будто нарочно задерживается там, на холме, чтобы дать мне возможность прочесть это письмо; оно как будто ждет меня!».

И, почувствовав в себе обычное мужество Вандердекенов, Филипп спокойно сорвал печать, украшенную вензелями его отца, и прочел следующее:

«Дорогая Катрина!

Одному из тех милосердых духов, которые льют слезы и скорбят о преступлениях смертных, было дозволено сообщить мне, каким единственным путем может быть снят с меня ужасный приговор.

Если бы я вновь мог получить на палубу моего судна ту святую реликвию, на которой я произнес свою страшную клятву, приложиться к ней с полным раскаянием и уронить хоть одну слезу глубокого сокрушения на священное древо, то мог бы обрести покой своей души.

Каким образом это сделать или на кого возложить выполнение столь трудной, быть может, роковой задачи, я не знаю, но, Катрина, у нас с тобой есть сын; впрочем, нет, пускай он ничего не знает обо мне; но ты молись за меня и прощай!

И. Вандердекен».

«Так значит, это правда, ужасная правда, – подумал Филипп, – и мой отец и посейчас находится под закланием! И он указывает на меня! Да и на кого же другого мог он указать? Разве я не сын его, разве это не долг мой?».

«Да, отец! – громко воскликнул юноша, падая на колени. – Ты недаром писал эти строки! Дай мне прочесть их еще раз».

И Филипп хотел поднести письмо к глазам, но хотя ему казалось, что он все еще держит письмо его в руке, письма уже не было. Он стал искать на траве подле себя, полагая, что как-нибудь выронил его, – письмо исчезло бесследно. Неужели и это письмо было только призрак? Да нет! Он только что прочел его от слова до слова. «Значит, письмо это было обращено ко мне, исключительно только ко мне одному, и мне одному предназначалась эта трудная миссия. Что же, я принимаю ее на себя с полной готовностью!»

«Слушай меня, отец, если тебе дано меня слышать! Слушай, милостивое к нам, грешным, небо! Слушайте сына, который на этой священной реликвии клянется, что снимет с отца заклиние или погибнет, если так ему суждено. Этому делу посвятит он всю свою жизнь и, исполнив свой долг, умрет в надежде на лучшую долю и мир с самим собой. Пусть небо, принявшее богохульную клятву моего отца, примет ныне и также занесет на свои скрижали клятву сына, произнесенную над тем же животворящим деревом Креста Господня, и пусть нарушение клятвы с моей стороны навлечет на меня кару, более тяжелую, чем кара постигшая его!».

И Филипп упал лицом в землю, прижимая к губам своим священную реликвию. Солнце зашло, и сумрак стал спускаться на землю, уступая место ночному мраку. Уже совсем стемнело, а Филипп все еще пребывал в немой молитве и размышлении.

Наконец его встревожили чьи-то голоса; несколько человек расположилось поблизости от него, в рощице на траве. Их разговор не интересовал его, но голоса их заставили его очнуться, и первым его побуждением было встать и идти домой. Но хотя люди эти говорили вполголоса, тема их разговора вскоре привлекла его внимание, так как до его слуха донеслось имя мингера Путса. Прислушавшись, Филипп убедился, что это были четыре дезертира, бежавших из арестантских рот и намеревавшихся этой ночью напасть на жилище маленького доктора, у которого, как им было известно, было скоплено много денег.

– Так, как я вам предлагал, – говорил один из них, – будет всего лучше, поверьте мне; у него нет никого в доме, кроме дочери!

– Что касается меня, то я ценю ее выше всех остальных его богатств! – заметил другой. – Так помните, что у нас с вами было условлено, что девушка будет моей!

– Да, если ты желаешь откупить ее у нас, то мы ничего против этого не имеем! – отозвался третий.

– Согласен, а сколько вы потребуете, говоря по совести, за тощую девчонку?

– Ну, скажем, пятьсот гильдеров!

– Пусть будет по-вашему, но при условии, что если бы на мою долю не пришлось такой суммы из захваченной добычи, я все-таки получу ее на свою долю!

– Это, конечно, справедливо! Но только я едва ли ошибусь, если мы не добудем свыше двух тысяч гильдеров из мощны этого старика.

– Ну, а вы, ребята, что скажете? Согласны вы уступить девушку Битенсу?

– Ну, конечно! Пусть себе берет ее, коли хочет! – согласились двое остальных бродяг.

– Если так, то теперь я телом и душой ваш! – воскликнул тот из четырех, который зарился на дочь Путса. – Я любил эту девушку раньше и старался добыть ее; я даже хотел жениться на ней, но этот старый филин отказал мне, юнкеру флота, почти офицеру!.. Но теперь я с ним рассчитаюсь. Мы не станем его щадить!

– Ну, вот еще! – отозвались остальные.

– Идти ли нам сейчас или обождать, когда люди в городе утомонятся? Через час, надо полагать, взойдет луна, и нас, пожалуй, могут увидеть!

– А кто нас может увидеть? По-моему, чем позднее, тем лучше!

– Сколько же времени нам потребуется, чтобы дойти туда? Не более получаса, если идти крупным шагом. Если мы выйдем отсюда через полчаса, то как раз подгоним так, чтобы месяц светил нам, когда мы будем считать его деньги!

– Прекрасно! А тем временем я приготовлю новый заряд и заряджу свой карабин, чтобы на всякий случай иметь его наготове! Я сумею зарядить его и впопыхах!

– Для тебя это дело привычное, Джон!

– Ну, еще бы! Эту пулю я предназначаю старому негодяю, прямо в лоб!

– Прекрасно! Я предпочитаю, чтобы его убил ты, а не я, – сказал один из собеседников, – так как он однажды спас мне жизнь, когда все другие врачи уверяли, что я должен умереть.

Филипп не стал дожидаться дольше; он ползком добрался до рощи и, обогнув то место, где сидели разбойники, вышел на дорогу и бегом направился к дому мингера Путса, чтобы предупредить старика и его дочь об угрожающей опасности. В тревоге за них он даже забыл на время и о своем отце, и о громадной обязанности, принятой им на себя.

Хотя юноша не замечал, куда он идет, когда он вышел из своего дома, но, хорошо зная всю местность, он бегом побежал к дому мингера Путса и менее чем через двадцать минут был уже у дверей.

Здесь, по обыкновению, все кругом было тихо и безлюдно, и дверь крепко заперта на надежные запоры. Филипп постучался, но никто ему не ответил. Тогда он стал стучать еще громче и настойчивее, пока не вышел окончательно из терпения. По-видимому, мингера Путса пригласили к больному, и его не было дома. Тогда Филипп стал кричать так, чтоб его можно было услышать в доме:

– Барышня, отца вашего, как вижу, нет дома! Так вы слушайте, что я имею сказать. Я – Филипп Вандердеккен, – мне сейчас удалось случайно подслушать четверых негодяев, которые намереваются убить вашего отца и похитить его деньги. Через час или еще того меньше они уже будут здесь, и я поспешил сюда, чтобы предупредить вас и отстоять, если я смогу. Клянусь священной реликвией, которую вы мне вернули сегодня утром, что я говорю сухую правду!

Сказав это, Филипп подождал некоторое время, но ответа не было.

– Барышня, – продолжал он, – отзовитесь мне, если вы дорожите тем, что даже много дороже, чем все золото вашего отца! Отворите окно вверх и выслушайте меня. Вы таким образом ничем не рискуете; и хотя теперь темно, я все же увижу вас.

Вскоре окошко наверху раскрылось, и стройный силуэт прекрасной дочери мингера Путса вырисовался смутным очертанием в окружающей мгле.

– Что вам нужно здесь, молодой человек, в такое неурочное время? И что вы хотите так настойчиво сообщить мне? Я плохо поняла дело из ваших слов, слышанных мною смутно через дверь.

Филипп подробно рассказал все, что ему удалось услышать, и в заключение просил, чтобы она впустила его, чтобы он мог защитить ее от разбойников.

– Подумайте, прекрасная барышня о том, что я сказал! Ведь они уступили вас за известную сумму одному из этих негодяев, имя которого я, кажется, уловил; если не ошибаюсь, его зовут Битенс. Я знаю, что золотом вы не дорожите, но подумайте о себе; допустите меня войти в ваш дом, и молю вас, не сомневайтесь ни минуты в том, что мой рассказ правдив!

– Вы назвали этого человека Битенс? Да? – переспросила девушка.

– Если я не ошибся, эти люди называли его так; и он говорил, что любил вас раньше.

– Это имя мне, действительно, знакомо; я его хорошо помню, но не знаю, что мне вам сказать и что делать. Моего отца позвали к роженице, и, быть может, он не скоро еще вернется. Как могу я открывать вам дверь в ночное время, когда отца нет дома, и я совершенно одна? Я не должна этого делать, не могу... Но все-таки я верю вам и не хочу допустить мысли, чтобы вы могли быть настолько подлы, чтобы придумать подобную историю.

– Нет, нет! И я вполне понимаю, что вы соблюдаете всякую осторожность, но вы не должны рисковать своей жизнью и честью, и потому я прошу вас впустить меня.

– А если я впущу вас, что можете вы один сделать против четверых? Они очень скоро одолеют вас, и тогда погибнет еще одна жизнь без всякой пользы.

– Нет, если у вас в доме есть оружие, – а я думаю, что ваш отец озаботился об этом, – то вы увидите, что вам нечего их бояться: у меня хватит решимости отстоять вас от этих негодяев!

– Верю и знаю, что вы человек решительный и способный рисковать жизнью за людей, на которых вы сами недавно нападали, и искренно благодарна за вашу готовность, но... но я не решаюсь, не смею открыть вам дверь.

– Если так, и вы не хотите впустить меня в дом, ну, так я останусь здесь у этих дверей, безоружный и почти беззащитный против четверых вооруженных грабителей. Все же я постараюсь сделать все, что будет в моих силах, чтобы защитить вас от них, и не сойду с этого места до конца.

– Но в таком случае я буду вашей убийцей! – воскликнула девушка. – Нет, этого не будет! Поклянись, молодой человек, поклянись мне всем святым и всем, что есть чистого и непорочного на земле, что вы не обманываете меня.

– Клянусь тобой, самой прекраснейшей девушкой, которая мне теперь дороже всего на свете!

Окно в верхнем этаже закрылось, и за ним появился свет, а спустя немного отворилась тяжелая входная дверь. Прелестная дочь мингера Путса стояла со свечой в руке, краска то приливала к ее щекам, то отливала, оставляя их матово-бледными; она дышала тяжело от подавленного волнения, а левая рука ее была опущена, и в ней держала заряженный пистолет, который она старалась спрятать в складках своего платья. Филипп заметил оружие в ее руке, но не подал вида, желая обнадежить ее.

– Если вы одумались, – сказал он, – и если вам кажется, что вы делаете плохо, впуская меня в дом, если в вас есть еще хоть сколько-нибудь подозрения по отношению ко мне, так ведь еще не поздно; никто не мешает вам сейчас захлопнуть дверь и не впускать меня! Видите, я еще не переступил порога вашего дома! Но ради вас самих, умоляю вас не делать этого; прежде чем взойдет луна, разбойники уже будут тут. Своею грудью я буду защищать вас до самой последней минуты, если только вы доверитесь мне. Да и кто, кроме самого отъявленного негодяя, мог бы сделать вам хоть малейшее зло?

Действительно, в эту минуту она была настолько прекрасна, что ею нельзя было не залюбоваться. Тонкие, словно точеные, черты ее то ярко освещались пламенем вспыхивавшей свечи, то оставались в тени, когда свеча грозила потухнуть, задуваемая ветром; строго пропорциональная фигура еще выигрывала от своеобразной грации ее необычайного наряда. Она стояла с непокрытой головой, и длинные густые косы ее свободно падали по плечам. Все в ней, – и лицо, и наряд, – сразу изобличало чужестранку, и всякий, знакомый с различными типами народов, не задумываясь, признал бы в ней девушку арабской крови.

Обращаясь к Филиппу, она смотрела ему прямо в глаза, как будто хотела проникнуть в самые сокровенные его мысли; но в глазах молодого человека было столько искренности и чистосердечия, а во всем его поведении столько благородства и прямоты, что она совершенно обнадежилась и после минутного колебания ответила с обычным спокойствием:

– Войдите, молодой человек, я чувствую, что могу довериться вам!

Филипп вошел, и они общими силами заперли и забаррикадировали дверь.

– Нам нельзя терять времени! – проговорил Филипп. – Надо озаботиться защитой! Но скажите мне ваше имя, чтобы я знал, как мне называть вас!

– Меня зовут Амина! – ответила молодая девушка, несколько отступая от него.

– Благодарю и за это доверие, а теперь сообщите мне, имеется у вас в доме какое-нибудь оружие, и есть ли у вас заряды?

– Есть и то, и другое. Но я желала бы, чтобы мой отец вернулся.

– Я также этого желаю, – сказал Филипп, – искренно желаю, чтобы он вернулся раньше, чем явятся эти убийцы, но конечно, не в то время, когда будет происходить нападение: ведь я уже говорил вам, что один заряд припасен специально для него, и если он попадет им в руки, то они его не пощадят или же потребуют в качестве выкупа все его золото и вас, Амина... Где же оружие?

– Следуйте за мной! – ответила Амина и поднялась во внутреннюю комнату верхнего этажа.

Это было святилище ее отца; вокруг всей комнаты тянулись полки, заставленные банками, склянками и коробочками с лекарствами; в одном углу стоял большой железный сундук, а над камином висело несколько ружей и три пистолета.

– Все они заряжены! – заметила Амина, указывая на оружие и кладя на стол пистолет, который был у нее в руке.

Филипп снял со стены оружие и внимательно осмотрел все курки, затем, взяв со стола пистолет, только что положенный Аминой, раскрыл его и, убедившись, что и он был хорошо заряжен, молодой человек усмехнулся.

– И это предназначалось для меня, Амина?

– Нет, не для вас, – ответила девушка, – а для обманщика и негодяя, если бы ему удалось пробраться сюда!

– А теперь, барышня, я встану к тому окну, которое вы открывали, но только в комнате не должно быть света, а вы можете остаться здесь и запереться на ключ для большего вашего спокойствия и безопасности!

– Вы меня мало знаете, – вспыхнув, возразила Амина, – в этом отношении я не боязлива! Я должна и хочу остаться с вами, быть подле вас и заряжать оружие; я этому хорошо обучена, вы увидите!

– Нет, нет! – воскликнул Филипп. – Вы можете быть ранены, оставаясь в той же комнате.

– Знаю, но неужели вы думаете, что я могу сидеть без дела здесь, в четырех стенах, когда могу быть полезна и помогать человеку, который ради меня рискует жизнью? Я знаю свой долг, сударь, и исполню его!

– Вы не должны рисковать собою, Амина, – возразил Филипп, – моя рука будет неверна, если я буду знать, что вам грозит опасность. Но теперь надо отнести оружие в ту комнату: время подходит.

Молодые люди снесли оружие в смежную комнату и разложили его на столе у окна, после чего Амина ушла, унося с собой свечу.

Оставшись один, Филипп раскрыл окно и выглянул на улицу; там никого не было видно; он прислушался, но кругом было тихо; нигде ни звука. Луна начинала всходить из-за далекого холма, но свет ее застилали легкие облака. Филипп некоторое время прислушивался и, наконец, услышал внизу подавленный шепот. Он высунулся в окно и различил, хотя и с трудом, четыре темные фигуры разбойников, стоявших у самой двери дома. Он осторожно отошел от окна и прошел в соседнюю комнату, где находилась Амина, которую он застал за изготовлением зарядов.

– Амина, – проговорил он шепотом, – они здесь, у двери, совещаются. Вы теперь можете увидеть их, ничем не рискуя. Я им благодарен за то, что они убедят вас, говорил ли я вам правду!

Девушка молча прошла в соседнюю комнату и выглянула в окно, затем вернулась и, положив руку на плечо Филиппа, ласково сказала:

– Простите мне мои сомнения! Теперь я ничего не боюсь, как только того, что отец вернется слишком рано, и они схватят его.

Филипп снова вышел из комнаты, желая произвести рекогносцировку. Разбойники все еще продолжали совещаться; дверь была настолько крепка, что даже общими усилиями они ничего не могли поделаться с ней, и потому они решились прибегнуть к военной хитрости. Они стали стучаться, и так как никто не отзывался, то продолжали стучать все громче и громче, а когда и это ни к чему не привело, то снова стали совещаться, после чего приставили дуло карабина к замочной скважине и дали выстрел. Выстрелом сорвало замок, но железные болты, которыми запиралась дверь изнутри, и крепкие железные засовы вверху и внизу не давали отпереть дверь.

Хотя Филипп был бы вправе стрелять по ним, как только увидел их из окна, но известная щепетильность мешала ему лишить жизни человека без крайней необходимости. Поэтому он не стрелял в них до тех пор, пока они первые не открыли враждебных действий. Теперь же он поднял свой карабин на высоту головы одного из разбойников, приложившего глаз к дверному замку и осматривавшего действие, произведенное выстрелом. В этот момент Филипп спустил курок, и негодяй упал мертвым, точно пораженный громом; его товарищи откинулись назад, удивленные этим неожиданным оборотом дела. Но в следующий же момент кто-то выстрелил из пистолета в Филиппа, который, высунувшись из окна, откуда он стрелял, смотрел на результаты своего выстрела. К счастью, разбойник промахнулся, и прежде, чем молодой человек успел понять, в чем дело, он почувствовал, что кто-то оттащил его от окна в сторону, где он был защищен от пуль. Это была Амина, незаметно очутившаяся подле него.

– Вы не должны подвергать себя опасности, высываясь вперед, Филипп! – сказала она чуть слышно.

«Она назвала меня „Филипп“, – подумал он с радостным чувством в душе, но не сказал ничего.

– Теперь они будут подстерегать вас у окна, – продолжала Амина, – возьмите другой карабин и спуститесь вниз, в коридор или в сени. Если они сорвали замок в дверях, то сумеют просунуть в дыру руку, и, пожалуй, им удастся сшибить засовы. Надеюсь, что это им не удастся, но нельзя быть уверенным; во всяком случае вам теперь следует быть там, в сенях; ведь они не рассчитывают увидеть вас там.

– Вы правы! – согласился Филипп, идя вниз.

– Но заметьте, вы не должны стрелять оттуда более одного раза! Если вы убьете еще одного, то их останется всего только двое, – и тогда они не смогут одновременно караулить окно и ворваться в дверь. Идите, а я заряжу ваш карабин!

Филипп осторожно спустился вниз без огня, подошел к двери и увидел, что один из негодяев, просунув руку в брешь, образовавшуюся в том месте, где был замок, старался отодвинуть верхний болт, до которого он с трудом мог дотянуться.

Филипп прицелился и готов был спустить курок и всадить весь свой заряд в негодяя, как вдруг за дверью грянул выстрел.

«Амина высунулась, верно, из окна и, быть может, ранена! – тотчас промелькнуло у него в голове, и, движимый чувством мщения, он выстрелил прямо под поднятую руку негодяя, затем побежал наверх посмотреть, что с Аминой.

Ее не было у окна; тогда он кинулся во внутреннюю комнату и застал ее преспокойно заряжающей карабин.

– Боже мой! Как вы напугали меня, Амина! Я думал, судя по их выстрелу, что вы показались в окне, и что они стреляли по вас.

– Нет, я этого не сделала! Но я подумала, что когда вы станете стрелять через дверь, то они ответят на ваш выстрел в том же направлении и могут вас ранить; поэтому я пошла к окну и высунула из него на палке старое платье отца, а они, подстерегавшие вас в окне, конечно, тотчас же выстрелили.

– Право, Амина, кто бы мог ожидать столько мужества и столько хладнокровной рассудительности от такой молодой и прекрасной девушки, как вы! – воскликнул Филипп в восхищении.

– А разве только старые и безобразные люди могут быть мужественны и рассудительны? – спросила она, улыбаясь.

– Я не это хотел сказать, Амина, но я теряю время, а должен бежать опять туда к двери. Дайте мне этот карабин и возьмите мой!

Филипп спустился вниз, чтобы произвести рекогносцировку и убедиться, в каком положении дело, но прежде чем он успел дойти до дверей, как услышал доносившийся издали голос мингера Путса.

Амина, тоже услышавшая голос отца, в одну минуту очутилась подле молодого человека с заряженным пистолетом в каждой руке.

– Не бойтесь ничего, Амина; их теперь всего только двое! Ваш отец будет цел! – проговорил Филипп, поспешно отодвигая засовы.

Дверь распахнулась, и Филипп с карабином в руках стремительно выбежал на улицу: он застал мингера Путса лежащим на земле и над ним обоих негодяев, из которых один уже занес над ним нож, но в этот самый момент меткая пуля Филиппа пробила ему голову. Тогда последний негодяй схватился с Филиппом врукопашную, и между ними завязалась ожесточенная борьба. Но ей скоро был положен конец Аминой, которая, подойдя совсем близко к боровшимся, выстрелила в негодяя почти в упор.

Здесь мы должны предупредить читателя, что Путс, возвращаясь домой, еще издали услышал выстрелы; мысль о дочери и о деньгах придала ему крылья; он даже не подумал о том, что он – слабый, незащитный и безоружный старик. И вот он, наконец, добежал и, обезумевший, растерявшийся, с криком кинулся вперед прямо на двух освирепевших разбойников, которые тотчас же повалили его и, конечно, отправили бы на тот свет, если бы Филипп вовремя не увидел его схватки с разбойниками и не подоспел на место происшествия как раз вовремя, чтобы спасти его от верной смерти.

Как только и последний разбойник упал, Филипп поспешил к мингеру Путсу, которого он поднял с земли и отнес на руках в дом, как малого ребенка. Старик все еще находился в полусознательном состоянии от перенесенного им испуга и возбуждения, но вскоре очнулся.

– Дочь моя! Где моя дочь? Где она? – воскликнул он.

– Я здесь, отец, и ничего со мной не случилось! – отозвалась Амина.

– Ах, дитя мое! Ты жива и невредима... да, да... теперь я вижу... а мои деньги? Где мои деньги?! – продолжал он и вскочил даже на ноги.

– И деньги целы, отец!

– Целы? Ты говоришь, что деньги все целы? Ты это знаешь на верное? Дай мне посмотреть...

– Смотри, видишь, сундук не тронут, никто не прикоснулся к ним, и все благодаря человеку, по отношению к которому ты поступил даже нехорошо!

– Кто? Кто это? О ком ты говоришь? Ах, да, теперь я вижу. Это Филипп Вандердеккен; он мне еще должен три гильдера с половиной да еще должен вернуть мне склянку... Так это он спас тебя и мои деньги? Да?

– Да, он это сделал, рискуя своей собственной жизнью!

– Ну, хорошо! Я готов простить ему весь его долг, да весь... но склянка ему не нужна, ее он должен мне вернуть. Дай мне воды, дитя!

Старик еще не сразу окончательно пришел в себя и успокоился.

Филипп предоставил его заботам дочери, а сам, захватив с собой пару заряженных пистолетов, вышел, чтобы убедиться, какая участь постигла четырех негодяев, теперь луна выбралась из-за туч, заслонявших ее, и, стоя высоко на небе, светила так ярко, что можно было ясно

различать все предметы. Оба разбойника, лежавших поперек двери, на самом пороге, были мертвы. Те же двое, которые напали на мингера Путса, были еще живы, но один из них уже кончался, а другой исходил кровью. Филипп обратился к последнему с несколькими вопросами, но не получил на них никакого ответа. Отобрав все их оружие, он вернулся в дом, где застал старика, за которым ухаживала его дочь, уже совершенно оправившимся.

– Благодарю вас, Филипп Вандердеккен, благодарю вас очень! Вы спасли мне мое дорогое дитя и мои деньги! Правда, их очень немного, даже совсем мало, – ведь я очень беден, – но я благодарю вас от всего сердца и желаю вам прожить долгие годы в счастье!

При этих словах Филипп вдруг вспомнил впервые с момента своей встречи с разбойниками о письме и о своей клятве, и по лицу его пробежала тень.

– Долгие годы, счастливо, – пробормотал он, – нет, нет... Это не для меня! – мысленно добавил он, уныло качая головой.

– И я, со своей стороны, должна благодарить вас, – проговорила Амина, вопросительно заглядывая ему в лицо. – Право, я вам очень благодарна... за многое, за очень многое! – добавила она.

– Да, она очень благодарна, – подтвердил отец, как бы желая прервать дочь, – только мы очень бедны... и если я говорил о своих деньгах, то именно потому, что у меня их так мало, что я никак не мог бы лишиться их... Но вы можете не платить мне тех трех с половиною гильдеров, что должны мне, это я готов потерять для вас, мингер Филипп!

– Нет, зачем же вам терять их, мингер Путс! – заметил Филипп. – Я обещал вам заплатить и сдержу свое слово. У меня денег больше, чем надо... В моем распоряжении тысячи гильдеров, и я не знаю даже, что с ними делать.

– У вас тысячи гильдеров! Тысячи гильдеров!! – повторил Путс. – Нет, пустяки, этого не может быть!

– Повторяю вам, Амина, что у меня тысячи гильдеров лежат без употребления, – сказал Филипп, – а вы знаете, что я вам никогда бы не солгал!

– Я поверила вам и тогда, когда вы сказали это моему отцу! – отозвалась она.

– В таком случае, если вы так богаты, то, зная мою бедность, вы может быть...

Но Амина зажала старику рот рукой, и фраза его осталась недоконченной.

– Отец, нам пора ложиться спать! На сегодня вы должны нас покинуть, Филипп! – добавила она, обращаясь к молодому человеку.

– Нет, я этого не сделаю, и вы можете быть уверены, что я всю ночь не сомкну глаз. Вы можете спокойно ложиться спать, так как теперь действительно время отойти ко сну! Спокойной ночи, мингер Путс. Я попрошу у вас только лампу, до рассвета еще далеко, затем уйду. Спокойной ночи, Амина!

– Спокойной ночи! – ответила девушка, протягивая ему руку. – И премного благодарю вас!

– Тысячи гильдеров!! У него тысячи гильдеров! – шептал старик, глядя вслед Филиппу, который выходил из комнаты и спускался вниз.

Глава V

Филипп Вандердеккен уселся под портиком входной двери и смахнул волосы со лба, который он подставил под ветер, так как постоянное возбуждение и волнения последних дней вызвали у него лихорадочное состояние, нервность и общее недомогание. Он чувствовал потребность в отдыхе, но знал, что для него нет настоящего отдыха, нет спокойствия. Его томили тяжелые предчувствия; он предвидел в будущем длинный ряд всевозможных опасностей, бедствий, невзгод и даже смерть, преждевременную, неестественную смерть, но он смотрел на все это без ужаса и даже без волнения. Ему казалось, что он начал жить всего только три дня тому назад, а что все, что было раньше, было какое-то бессознательное существование; у него было невесело на душе, но он не чувствовал себя несчастным. Мысли его все время вращались вокруг рокового письма. Страшное, неестественное исчезновение его несомненно указывало на его сверхъестественное происхождение, во-первых, и во-вторых, на то, что это послание предназначалось именно ему и никому другому; а находящаяся в его руках священная реликвия еще более наглядно подтверждала этот факт.

«Такова моя судьба! Это мой долг! – думал Филипп. – И я исполню его, чего бы это мне ни стоило». – Порешив на этом, он невольно перенесся мыслями к прелестному образу молодой девушки.

«Неужели, – думал он, – этому прелестному созданию суждено быть связанным с моей судьбой? Судя по событиям последних дней, можно было бы подумать, что это так. Но, конечно, это только одному небу известно, и пусть да будет его Святая Воля! Я поклялся, и Господь слышал мою клятву, посвятить свою жизнь на облегчение страшной участи моего бедного отца, но разве это мешает мне любить Амину? Нет! Моряк, посвятивший себя службе на море, избравший для себя дальние плаванья в Индию, разве он не проводит целые месяцы дома, в своей семье, на берегу, а затем возвращается к исполнению своих обязанностей и своего долга?! Мне предстоит скитаться в открытом море, плавать по океанам и жить вдали от родины. Но сколько раз придется мне все снова и снова возвращаться сюда, и почему бы мне лишиться себя утехи и отрады радостного возвращения к любимой женщине, счастья, ее улыбки и приветов? А все же хорошо ли я поступаю, добиваясь любви девушки, которая если раз полюбит, то, я уверен, будет любить искренно и глубоко... И смею ли я убеждать ее связать свою жизнь с жизнью человека, обреченного судьбой на всякие невзгоды и, вероятно, даже на преждевременную смерть?!

Но ведь жизнь каждого моряка полна случайностей; в бурю и непогоду каждый моряк является игрищем сердитых волн, с которыми ему приходится бороться! Кроме того, я избран судьбой для выполнения трудного долга, и если так, то судьба должна щадить меня до тех пор, пока волей Небес я не исполню свой долг. Но когда это будет и чем должно это кончиться?! Смертью? Но ведь все люди умрут, и никто не знает, когда к нему придет смерть».

Так размышлял Филипп Вандердеккен. Наконец забрезжил рассвет, и когда он увидел румяное зарево нарождающегося дня на горизонте, то дал волю одолевавшей его сонливости и задремал в том же положении, в каком просидел здесь всю ночь. Легкое прикосновение к его плечу заставило его вскочить на ноги и выхватить пистолет, спрятанный им на груди. Но, обернувшись, он увидел перед собой Амину.

– Это предназначалось мне? – улыбаясь, спросила Амина, повторяя его вчерашние слова.

– Вам, Амина, чтобы защитить вас от всякого, кто осмелился бы покуситься на ваш покой!

– Я знаю, – сказала она, – но как великодушно было с вашей стороны просидеть здесь всю ночь и караулить нас, после столь утомительного и тяжелого для вас дня!

– Вплоть до рассвета я не сомкнул глаз!

– Ну, так теперь ложитесь и отдохните! Мой отец уже встал; вы можете прилечь на его постели.

– Благодарю вас, но я не чувствую желания спать! Нам предстоит еще много дела. Мы должны пойти к бургомистру и заявить ему о всем, а эти тела должны оставаться здесь нетронутыми, пока сюда не явятся власти и не удостоят наших показаний. Пойдет ли ваш отец, или должен сходить я?

– Несомненно, будет лучше, если пойдет мой отец, как хозяин дома, на который совершено было нападение. А вы должны остаться здесь, и если вы не хотите спать, то должны хоть подкрепиться пищей. Я сейчас пойду и скажу отцу: он уже успел покушать, и ничто не мешает ему немедленно отправиться к бургомистру.

Амина ушла и вскоре вернулась с отцом, который приветливо поздоровался с Филиппом. Пройдя сторонкой мимо убитых, чтобы не задеть их ногой, старик поспешно направился в город, где имели свое местопребывание местные власти.

Амина пригласила Филиппа следовать за ней и ввела его в комнату отца, где, к немалому своему удивлению, он увидел приготовленный для него кофе, который в то время был большой редкостью и стоил очень дорого, почему Филипп никак не мог ожидать встретить этот вкусный напиток в доме такого скарёдного человека, как мингер Путс. Но это была роскошь, к которой в былые времена старик успел привыкнуть, и в которой он не мог себе отказать.

Филипп, у которого целые сутки не было ни крохи во рту, не заставил себя просить и сделать честь всему, что ему было предложено. Амина села против него и молчала все время, пока он кушал.

– Амина, – сказал, наконец, Филипп, заговорив первый, – у меня было достаточно времени, чтобы все обсудить и обдумать за то время, что я просидел там у двери! Могу я говорить откровенно?

– Почему же нет, – ответила девушка, – я уверена, что вы не скажете ничего такого, чего бы не следовало говорить, или чего не подобало бы слышать молодой Девушке.

– Вы не ошиблись, Амина! – Мои мысли заняты вами; я думал о вас и о вашем отце; вам нельзя оставаться в этом доме, слишком уединенном и отдаленном от других жилых строений.

– Я и сама сознаю, что здесь слишком уединенно и небезопасно для него, для отца, а быть может, и для меня. Но вы знаете моего отца! Именно эта уединенность нравится ему; к тому же и цена аренды этого дома очень низкая, а вы знаете, что он очень экономен на деньги, очень бережлив.

– Человек бережливый раньше должен заботиться о том, чтобы его сбережения находились в сохранном месте, а здесь далеко не сохранное и не надежное место. Выслушайте меня, Амина! Я имею небольшой домик, окруженный со всех сторон жилыми домами, которые являются друг для друга взаимной защитой в случае беды; я собираюсь покинуть этот дом, быть может, навсегда, так как намерен отправиться с первым отплывающим судном в Индийский океан!

– В Индийский океан? Зачем? Разве вы не говорили вчера, что у вас есть тысячи гильдеров, и что вы не имеете нужды в деньгах?

– Да, это так, и денег у меня достаточно, тем не менее я должен уехать, этого требует мой долг. Не спрашивайте меня дальше, а выслушайте, что я хочу вам предложить. Пусть ваш отец поселится в моем домике, и пусть он сберегает и охраняет его в моем отсутствии; он сделает мне большое одолжение, если согласится на это, и вы должны постараться убедить его. Там вы будете в безопасности. Ему я хочу также поручить на хранение и мои деньги. Они мне в настоящее время не нужны, а взять их с собой я не могу и не хочу.

– Моему отцу нельзя поручать денег; он слишком пристрастен к ним!

– Но для чего и для кого копил ваш отец? Ведь он не может унести деньги с собой, когда умрет? Значит, он копил их для вас! А раз это так, то я могу быть уверен, что мои деньги будут сохранены.

– Так уж лучше поручите их прямо мне, и тогда я поручусь, что они будут целы! Но скажите, зачем вы хотите рисковать своей жизнью, скитаясь по морям, когда у вас есть такие хорошие средства, что вы можете считать себя обеспеченным на всю жизнь?

– Не спрашивайте меня об этом, Амина! Это моя сыновняя обязанность, мой священный долг; больше я вам ничего сказать не могу, по крайней мере теперь!

– Если это ваш долг, то я не стану больше вас расспрашивать. Но поверьте, мной руководило не женское любопытство, а лучшее чувство!

– А какого рода было это лучшее чувство? – спросил Филипп.

– Я сама едва могу это определить, – промолвила молодая девушка, – вернее всего, это были слившиеся воедино различные хорошие чувства: чувство благодарности, уважения, расположения, доверия и доброжелательства к вам. А разве всего этого не достаточно?

– Действительно, этого даже, пожалуй, слишком много! Я, право, не знаю, как я мог заслужить все это за короткое время нашего знакомства, тем не менее я и сам испытываю все эти чувства и даже более того по отношению к вам, Амина. И если вы действительно так хорошо расположены ко мне, то окажите мне услугу, уговорите вашего отца покинуть это уединенное жилище и переселиться в мой дом!

– А куда же думаете выехать вы сами?

– В случае, если ваш отец не согласится принять меня в качестве своего жильца на короткое время, так как я пробуду здесь, вероятно, очень недолго, то постараюсь приютиться где-нибудь по соседству; если же он не откажется, то я хорошо заплачу ему за свое пребывание, при условии, конечно, что вы не будете ничего иметь против моего пребывания в доме!

– Что же могу я иметь против этого? – сказала девушка. – Наше жилище небезопасно, вы нам предлагаете надежное убежище в вашем доме! Было бы в высшей степени несправедливо и неблагодарно с нашей стороны изгнать вас из-под вашего же родного крова!

– В таком случае убедите отца, Амина! Мне ничего не надо, я не хочу никакой платы за свой дом; напротив, я буду считать, что вы мне делаете одолжение: ведь для меня было бы большим горем уехать отсюда, не будучи уверенным в вашей безопасности. Так обещаете мне, что вы это устроите?

– Я обещаю употребить все старания. Я могу даже прямо сказать вам, что это так и будет, как вы желаете: я знаю свое влияние на отца. Вот вам моя рука! Довольны вы теперь?

Филипп жадно схватил протянутую к нему маленькую ручку, и чувство взяло в нем верх над сдержанностью: он поднес ее к губам и заглянул в лицо Амины, чтобы убедиться, не гневается ли она за его смелость. Но ее темные глаза смотрели на него в упор, как тогда, когда она решала, впустить ли его в дом или нет, смотрели так, как будто она хотела прочесть самые сокровенные его мысли, но не отнимала у него руки.

– Не сомневайтесь, Амина, вы можете доверять мне, – сказал Филипп, целуя еще раз ее руку, – я никогда не злоупотреблю вашим доверием!

– Надеюсь... я думаю... нет, я в этом уверена! – сказала она.

Филипп выпустил ее руку. Амина села на свое прежнее место, и некоторое время оба молчали, дав волю своим думам. Наконец девушка заговорила первая.

– Мне кажется, я слышала от отца, что ваша матушка была очень бедна и не совсем в своем уме... и что в вашем доме есть комната, которая оставалась запертой в течение многих лет!

– Да, вплоть до вчерашнего дня!

– И там, в этой комнате, вы и нашли все эти деньги? Разве ваша матушка не знала об этих деньгах?

– Нет, она о них знала и, умирая, говорила о них!

– Без сомнения, была какая-нибудь уважительная причина не отпирать эту комнату?!

– Конечно, причина была!..

– Какая, Филипп? – спросила робким, ласковым голосом девушка, словно она опасалась рассердить его своим вопросом.

– Я не смею сказать вам этого, по крайней мере, не должен говорить. Но если хотите, я скажу вам, что это был страх перед привидением! Этим вы должны удовольствоваться.

– Каким привидением?

– Мать моя утверждала, что она видела призрак моего отца!

– А вы как думаете, это в самом деле был его призрак?

– Я в этом ничуть не сомневаюсь; ей действительно явился мой отец! Но я не могу сказать вам ничего больше, Амина, прошу вас, не расспрашивайте меня. Теперь комната эта отперта, и нет никакого основания бояться, что призрак появится снова.

– Да я этого вовсе не боюсь, – проговорила Амина и задумалась. – Но, – продолжала она немного спустя, – это разве не находится в связи с вашим решением отправиться в Индийский океан?

– На это я еще отвечу вам: да, это побудило меня пуститься в плавания! Но вот и все, что я могу вам сказать. Не спрашивайте меня, Амина, ни о чем больше: мне тяжело отказывать вам, а вместе с тем мой долг повелевает мне молчать!

Некоторое время никто из них не проронил ни слова, затем девушка опять заговорила:

– Вы так дорожите той священной реликвией, что мне невольно приходит на ум, что она находится в связи с вашей тайной. Разве это не так?

– В последний раз я скажу вам: да, это так! Но больше ничего не скажу.

На этот раз голос его звучал строго, сурово, почти грубо, и это не осталось без влияния на молодую девушку.

– Вы так поглощены посторонними мыслями, что не уловили даже лестного для вас внимания с моей стороны, которое я выказала вам, принимая такое живое участие в ваших делах!

– Нет, нет, я это чувствую, но простите меня, Амина, если был несколько груб! Право, я вам очень признателен, но надо помнить, что тайна эта не моя. Видит Бог, я желал бы, чтобы она никогда не была мне известна: ведь она рушила все мои надежды на счастье в жизни.

Филипп замолк, удрученный своим горем, но когда он поднял голову, то увидел, что Амина смотрела на него своими темными ласковыми глазами, смотрела пронизательно и вдумчиво.

– Что, вы хотите прочесть мои мысли? – спросил Филипп. – Хотите узнать мою тайну?

– Вижу, что эта тайна удручает вас! По всему видно, это должна быть, без сомнения, страшная, ужасная тайна, если она может так угнетать такого человека, как вы!

– Где вы научились быть такой смелой, Амина? – спросил Филипп вместо ответа, желая переменить разговор.

– Обстоятельства делают человека смелым или боязливым; люди, привыкшие ко всяким трудностям и опасностям на своем пути, не боятся их!

– А где вы их встречали в своей жизни?

– Где? Да прежде всего в той стране, где я родилась, и потом после, во время всех наших скитаний.

– Не расскажете ли вы мне о вашем прошлом, Амина? Вы знаете, что я могу сохранить в тайне то, что мне доверят!

– Что вы умеете сохранять в тайне то, что вам доверили, это я слишком хорошо знаю, вы это мне блистательно доказали! Но мне этого вовсе не нужно, и, помимо всяких гарантий, я считаю, что вы имеете некоторое право узнать кое-что о той, которой вы спасли жизнь. Я не могу рассказать много о себе, но что могу, то расскажу. Отец мой, еще будучи мальчиком,

находясь на торговом судне своего отца, был захвачен в плен маврами и продан в рабство одному хакиму, то есть ученому, врачу, в той стране. Обнаружив в моем отце большие способности, хакимом обучил его своему искусству и сделал его своим учеником и помощником. По прошествии нескольких лет отец не только постиг всю премудрость своего учителя, но даже превзошел его в его познаниях, но, как раб, должен был работать на своего господина. А вам известно, как и всем в этом городе, что мой отец жаждет денег, и его мечтой было разбогатеть так же, как его господин, и прежде всего купить себе свободу. Чтобы достигнуть своей цели, он стал поклонником пророка, т. е. принял ислам. После того он стал свободным и, сбросив с себя рабство, стал лечить за свой собственный счет. Вскоре он взял себе жену из арабского племени, дочь богатого арабского шейха, которому он вернул здоровье, и окончательно поселился в его стране. Там я и родилась. Отец мой быстро накапливал богатства, так как слава его, как искусного врача, распространилась далеко. Но когда от его руки умер сын одного бея, то на него обрушилось беспощадное гонение, и ему пришлось бежать из страны, причем он потерял все свои богатства. Мать моя и я последовали за ним; он нашел убежище у одного племени бедуинов, среди которых мы прожили несколько лет. Среди них я привыкла к быстрым, далеким переходам, к диким набегам, к поражениям и битвам и даже к беспричинной зверской резне. Но бедуины не щедро вознаграждали услуги отца, а деньги отец ставил выше всего и ради них был готов на все. Прослышав, что бей умер, он возвратился снова в Каир и стал по-прежнему заниматься своей практикой. Здесь он снова стал скоплять богатства, в чем ему никто не мешал до тех пор, пока сумма их не возросла настолько, что возбудила зависть нового бея; но, по счастью, отца предупредили о намерениях властителя, и он успел вовремя бежать, захватив с собой лишь часть своих богатств. Небольшое судно доставило нас в Испанию. Однако отцу не суждено было долго владеть накопленными им богатствами, и всякий раз, когда они накапливались у него, случалось что-нибудь такое, вследствие чего он их лишался и оставался опять ни с чем. И вот перед тем, как мы переселились сюда, в эту страну, отца моего ограбили так, что мы опять ничего не имели; но за эти три или четыре года, что мы здесь, он опять накопил кое-что, откладывая каждый грош. Вот и все, что я могу сказать о себе.

– Ваш отец и посейчас остался магометанином? – спросил Филипп.

– Право, не знаю. Мне кажется, что он не держится никакой религии; по крайней мере меня он не наставлял ни в какой вере! Несомненно одно, что его Бог – золото; другого он, кажется, не знает и не признает!

– А вы?

– А я, я признаю того Бога, который создал весь этот прекрасный мир и все, что в нем, – называйте его, как хотите. Это все, что я знаю о Боге, Филипп, но я охотно узнала бы больше. Я слышала, что различных вероисповеданий много, но, вероятно, все они лишь различными путями ведут к одной и той же цели, познанию Бога. Вы, конечно, христианин, Филипп. И вы думаете, что это и есть истинная вера? Но ведь и все другие считают свою веру единой истинной верой. Кто же прав?

– У меня есть такие ужасные, такие страшные доказательства того, что моя вера единая истинная, что если бы я мог все открыть...

– У вас есть доказательства, говорите вы? Но в таком случае, разве не лежит на вас обязанность привести эти доказательства? Или вы дали зарок ничего никогда не открывать никому?

– Нет, такого зарoka я не давал, но тем не менее я чувствую, как будто дал такой зарок... Слышите голоса? Это, вероятно, ваш батюшка с городскими властями! Мне надо идти вниз и встретить их!

С этими словами Филипп встал и направился к лестнице. Амина провожала его глазами до тех пор, пока он скрылся, и даже когда он ушел, все еще продолжала смотреть на дверь.

– Возможно ли?! – воскликнула она вполголоса, – так скоро? – А между тем это так! Я чувствую, что охотнее разделю с ним его тайное горе, скорбь и несчастья, даже его опасности, даже самую смерть, чем полное довольство и благополучие с кем-либо другим. И мне даже кажется странным, если бы я поступила иначе. Мы сегодня же переселимся в его дом; я пойду и стану теперь же готовиться к переезду!

Показания Филиппа и Путса были занесены в протокол; тела убитых подвергнуты осмотру и некоторые из них опознаны. Затем трупы были увезены, и власти удалились, а Филипп и мингер Путс возвратились к Амине. Мы не станем здесь приводить их разговора, достаточно будет сказать, что старик согласился с доводами молодых людей относительно переселения; особенно убедительным ему показалось то обстоятельство, что не надо будет платить аренды. После полудня состоялся переезд, но только когда уже совсем стемнело, перевезли денежный ящик доктора под конвоем Филиппа и Амины, причем и старик плелся позади тележки. Было уже поздно, когда они окончательно устроились и отошли на покой.

Глава VI

«Так вот эта комната, которая столько лет оставалась запертой! – проговорила Амина, войдя в нее поутру задолго до того времени, когда Филипп проснулся после проведенной без сна предыдущей ночи. Она огляделась кругом, окинула взглядом всю обстановку, причем ей кинулись в глаза птичьи клетки, и она заглянула в них. – Бедняжки! – прошептала она по адресу истлевших канареек. – Так в этой комнате явился его матери его отец! Что ж, может быть, это и было так! Филипп говорит, что у него есть доказательства; и почему бы этому не быть? Бели бы Филипп умер, я была бы счастлива, если бы мне явился его дух: все же это был бы он! Но что я говорю! Ах, предательский язык, зачем ты выдаешь мою тайну?.. Стол опрокинут – это похоже на следствия страха или испуга; и рабочая корзинка, из которой все высыпалось... Это просто глупый женский страх! Простая мышь могла бы вызвать его у нервной женщины, а вместе с тем есть что-то жуткое в самом факте, что эта комната столько лет не видела света, что ни одна человеческая нога не переступала ее порога! Неудивительно, что Филипп чувствует себя подавленным этой тайной, связанной с этой комнатой; ее не следует оставлять в таком виде; надо сейчас же сделать ее жилой.»

И девушка, давно привыкшая ухаживать за отцом и вести свое маленькое хозяйство, тотчас же принялась за дело.

Каждый уголок, каждый стул, стол и вся остальная мебель были тщательно почищены, вытерты и прибраны; паутина снята; стол и кушетка переставлены на другое место в середину комнаты; клетки вынесены вон. Когда вся эта приборка была окончена, и яркое солнце заглянуло в раскрытое настежь окно, комната смотрела весело и приветливо.

С свойственной женской душе чуткостью Амина сознавала, что самые сильные впечатления сглаживаются, когда предметы, связанные с ними, не напоминают нам о них. И вот она решила облегчить душевное состояние Филиппа, которого, со свойственной ее темпераменту пылкостью, она успела горячо и глубоко полюбить. Все снова и снова принималась она за чистку и приборку, пока каждая картина, каждая мельчайшая вещь в комнате не приняли опрятный, веселый, почти новый вид.

Не одни только клетки, но и рабочая корзинка со всеми принадлежностями была унесена вместе с начатой вышивкой. Филипп оставил ключи на полу; Амина раскрыла буфет, обмыла и обтерла в нем стеклянные дверки и занялась чисткой серебра, когда ее отец вошел в комнату.

– Боже милосердый, – воскликнул он, – неужели все это серебро, чистое серебро?! Видно, правда, что у него есть тысячи гильдеров! Но только где они у него запрятаны?

– Помни, отец! Не смей никогда говорить о них! Твои деньги и теперь сохранены, и за это ты должен быть благодарен Филиппу; он отстоял их от разбойников, пришедших ограбить тебя.

– Да, да... это правда! Но так как он думает жить здесь, то сколько он рассчитывает платить мне? И, как ты думаешь, много он ест? Он должен платить мне хорошо за свое содержание, раз у него столько денег.

Губы Амины сложились в презрительную усмешку, но она ничего не ответила.

– Хотел бы я знать, где он держит свои деньги! – продолжал старик. – Он предполагает уехать в Индию с первым отходящим отсюда судном. Кому же он поручит свои деньги?

– Мне, – ответила Амина, – я буду беречь их для него!

– Да, да, мы будем беречь его деньги. Ведь судно может утонуть... в море это часто случается...

– Нет, ты ошибаешься, отец, не мы будем хранить его деньги, а я! Тебе нет до этих денег никакого дела, храни свои!

С этими словами Амина поставила обратно в буфет серебро, заперла его и взяла ключи с собой, уходя приготовить завтрак. А старик остался перед буфетом и сквозь стеклянные дверцы его любовался драгоценной серебряной посудой, от которой он не мог оторвать глаз.

Наконец сошел вниз и Филипп; проходя мимо комнаты, чтобы заглянуть в кухню, он заметил мингера Путса у буфета и вошел поздороваться с ним. Резкая перемена в комнате сразу бросилась ему в глаза, и он был ею чрезвычайно обрадован. Сердце подсказало ему, кто об этом позаботился и с какою целью, чувство глубокой благодарности наполнило его душу. В этот момент вошла Амина, неся на подносе завтрак; глаза их встретились и сказали гораздо больше, чем могли бы сказать их уста. На этот раз Филипп сел за завтрак более веселый и не столь мрачно настроенный.

– Мингер Путс, – проговорил он, поднимаясь из-за стола, – я намерен оставить в ваше пользование мой дом на все время моего отсутствия и надеюсь, что вам здесь будет хорошо! Кое-какие маленькие распоряжения, которые мне кажутся необходимыми, я сообщу вашей дочери перед своим отъездом.

– Так значит, вы покидаете нас, мингер Филипп, чтобы идти в море? Это должно быть очень приятно – попутешествовать и повидать чужие страны, куда лучше, чем сидеть дома. Когда же вы думаете уехать?

– Сегодня вечером я еду в Амстердам, – сказал Филипп, – чтобы условиться насчет плавания, но я вернусь, вероятно, раньше, чем пушусь в плавание.

– А... вы еще вернетесь!.. Ну, конечно! Ведь у вас есть здесь деньги и имущество, о котором вам надо позаботиться! Вы должны пересчитать ваши деньги, а мы с дочерью будем хранить их как нельзя лучше. Где они у вас, эти деньги, мингер Вандердеккен?

– Об этом я сообщу вашей дочери перед моим отъездом; через три недели, самое позднее, я вернусь.

– Отец, – вмешалась Амина, – ты обещал навестить ребенка бургомистра! Тебе пора идти!

– Да, да... немного погодя... все в свое время; но прежде я должен заняться с мингером Филиппом: мне надо многое сказать ему касательно его дел.

Филипп при этом невольно вспомнил, как ему приходилось уламывать мингера Путса, когда он впервые приглашал навестить его бедную мать, и он невольно улыбнулся такой предупредительности со стороны хитрого старика, но вслед за тем воспоминание о матери нагнало облако грусти на его чело, что не укрылось от внимания Амины.

Она сразу угадала, что происходило в душе Филиппа и в помыслах ее отца, и недолго думая, пошла и принесла шляпу и трость старика, затем сама проводила его до дверей. Таким образом, Путс, хотя и очень неохотно, но все же, повинувшись по привычке воле дочери, должен был отправиться к бургомистру.

– Уже так скоро, Филипп?! – воскликнула девушка, возвращаясь в комнату, где оставался молодой человек.

– Да, Амина, я еду сегодня же, но надеюсь, мне удастся еще вернуться сюда перед отплытием. В случае же, если бы мне не пришлось вернуться, я хочу передать вам теперь мои распоряжения. Дайте мне ключи!

Взяв ключи из ее рук, он открыл нижний шкафчик буфета и железный ларец, где были деньги.

– Вот здесь, Амина, мои деньги! Нам незачем считать их, как предлагал ваш отец! Как видите, я не лгал, когда говорил, что у меня тысячи гильдеров! Но в настоящее время они мне не нужны: ведь мне еще предстоит обучиться морскому делу. А когда я вернусь, если мне суждено вернуться, то на эти деньги я буду иметь возможность приобрести собственное судно. Но я не знаю, что мне готовит судьба, и потому должен вперед позаботиться обо всем!

– Ну, а если вы не вернетесь? – спросила Амина.

– Если я не вернусь, то эти деньги будут ваши, Амина, точно так же, как и все, что здесь есть в этом доме, да и самый дом!

– Но ведь у вас есть родные, родственники... не так ли?

– У меня есть всего только один родственник, мой дядя, богатый человек, но когда мы с матерью бедствовали, он мало помогал нам, или, вернее, почти вовсе не помогал, так что я ему ничего не должен, и он ни в чем не нуждается. В целом свете есть только одно существо, которое дорого мне, и к которому привязалась мое сердце, и это существо вы, Амина! Смотрите на меня, как на брата, и я обещаю, что буду всегда питать к вам самую нежную братскую любовь.

Амина молчала. Филипп достал из початого мешочка еще горсть червонцев на дорожные расходы и затем, замкнув железный ларец и буфет, отдал ключи девушке. Он собирался сказать ей еще что-то, когда в дверь слегка постучали, и в комнату вошел патер Сейсен.

– Храни вас Бог, сын мой, и тебя также, дитя мое, хотя я еще никогда не видал тебя раньше! Если не ошибаюсь, ты – дочь мингера Путса!

Амина утвердительно кивнула головкой.

– Как я вижу, Филипп, комната эта отперта! Я слышал о том, что произошло, и мне надо поговорить с тобой, а потому я попросил бы эту девушку оставить нас на время одних.

Амина тотчас же вышла, и патер, сев на кушетку, пригласил Филиппа сесть подле себя.

Разговор их продолжался долго: прежде всего духовный отец стал расспрашивать Филиппа об его тайне, но не мог добиться от него тех сведений, какие он желал; молодой человек сообщил ему приблизительно столько же, как и Амине, но не больше. Он также объявил о своем намерении отправиться в плавание, и что в случае, если бы он не возвратился, все свое имущество он завещает доктору и его дочери. Тогда патер стал расспрашивать Филиппа о мингере Путсе; осведомился, не известно ли ему, какую веру исповедует старый доктор, так как его никто никогда не видал ни в одной церкви, а слухи ходили о том, что он не только еретик, но даже и не христианин. На это Филипп, как всегда, отвечал с полной откровенностью, но при этом прибавил, что дочь жаждет просветиться учением христианской веры, и просил святого отца принять на себя эту задачу, к которой он, Филипп, недостаточно подготовлен. На это патер Сейсен, угадавший отношения молодого человека к этой девушке, охотно согласился.

Пробеседовав около двух часов, они были прерваны вернувшимся Путсом, который, как пуля, вылетел из комнаты при виде патера Сейсена. Тогда Филипп призвал Амину и просил ее, как одолжения, чтобы она принимала в его отсутствии патера Сейсена, после чего добрый старик благословил их обоих и ушел.

– Надеюсь, вы не дали ему денег, мингер Филипп? – сказал Путс, когда старый патер ушел.

– Нет, я не дал ему ничего, – отвечал Филипп, – но очень сожалею, что не подумал об этом!

– Нет, что вы! Вы прекрасно сделали, что ничего не дали ему; ведь деньги гораздо лучше, чем то, что он может дать вам; только пусть он больше не приходит сюда!

– Почему же нет, отец? – возразила Амина. – Если мингер Филипп того желает: ведь это его дом?..

– Ну, конечно, если мингер Филипп этого желает; но ведь он уезжает!

– Ну, если даже он и уезжает, почему же патеру не ходить сюда? Он будет приходить ко мне!

– К тебе, дитя мое? Зачем? Что ему нужно от тебя? Если он станет ходить сюда, то я предупреждаю, что не дам ему ни гроша, и тогда он наверное скоро прекратит свои посещения.

Филипп только усмехнулся на такое предположение, но не стал ничего возражать.

После того юноше не случилось поговорить с Аминой, да ему, в сущности, ничего более и не оставалось сказать ей. Час спустя он простился с ней в присутствии ее отца, который не

отходил от них ни на минуту, надеясь получить от Филиппа какие-нибудь сведения относительно его денег, которые тот оставлял здесь.

Два дня спустя Филипп прибыл в Амстердам и, наведя нужные справки, убедился, что не предвиделось никакого отплытия судна в дальнее плавание и именно в Ост-Индию ранее, как через несколько месяцев. Голландская Ост-Индская компания давно образовалась и положила конец всем частным торговым предприятиям этого рода. А суда компании отправлялись только во время года, считавшееся наиболее удобным, чтобы обогнуть мыс Бурь, как тогда еще назывался мыс Доброй Надежды. Одним из судов, отправлявшихся с флотилией, предназначенной к отплытию в ближайшую очередь, было судно «Тер-Шиллинг», трехмачтовый корабль, который в настоящий момент стоял разоруженный и без оснастки.

Филипп разыскал капитана этого судна и сообщил ему о своем желании отправиться с ним в дальнее плавание, чтобы ознакомиться с профессией моряка и изучить под его руководством морское дело. Капитану понравилась наружность юноши, а так как последний соглашался не только не получать никакого вознаграждения за все время плавания, но даже предлагал платить за себя известную сумму за обучение, то ему была обещана койка младшего помощника в офицерской каюте и содержание на офицерском положении. Порешив на этом, ему было сказано, что его уведомят заблаговременно о времени отправления судна, а до того времени он может отложить все заботы и попечения.

Сделав все, что можно для исполнения данного им клятвенного обещания, Филипп решил вернуться к себе домой и снова очутился в отрадном для него обществе Амины.

Мы обойдем здесь молчанием два месяца, в течение которых мингер Путс продолжал работать на своем поприще и редко бывал дома, благодаря чему молодые люди по целым часам оставались наедине. Любовь Филиппа к молодой девушке ни в чем не уступала ее любви к нему; это было даже нечто больше, чем просто любовь, – это было чувство какого-то благоговейного обожания с обеих сторон, усиливающегося с каждым днем. По временам чело Филиппа омрачалось тяжелыми думами о грозившей ему судьбе, но улыбка Амины разгоняла мрачные думы; ему стоило взглянуть на нее, чтобы все остальное было забыто. Амина не скрывала своего чувства; она высказывала его в каждом слове, взгляде и движении. И когда Филипп брал ее руку, или обнимал ее стан, или даже целовал ее коралловые губки, Амина не протестовала; она была слишком благородная и доверчивая девушка; сознавая, что все ее счастье заключается в его любви, она старалась брать от этой любви все, что могла.

Так прошли два месяца, и однажды, когда патер Сейсен, который вообще часто посещал их и уделял Амине особое внимание, застал молодых людей в объятиях друг друга, старик неодобрительно покачал головой.

– Дети мои, я давно уже наблюдаю за вами, и то, что я вижу, нехорошо! – проговорил он. – Если ты, Филипп, помышляешь о женитьбе, как я полагаю, все же такая игра опасна. Лучше позвольте мне соединить вас перед лицом Бога!

Филипп вздрогнул при этих словах священника.

– Не может быть, чтобы я ошибся в тебе! – продолжал его духовный отец несколько строгим тоном.

– Нет, нет, отец мой! Но я попрошу вас оставить нас сейчас, а завтра, когда вы придете, все уже будет решено. Но прежде, чем я скажу вам что-либо, я должен поговорить с Аминой.

Патер вышел из комнаты, и молодые люди остались одни. Амина то бледнела, то краснела, и сердце ее усиленно билось, чувствуя, что все ее счастье поставлено на карту.

– В сущности, патер прав, Амина, – сказал Филипп, садясь подле нее, – так не может продолжаться! Я хотел бы навсегда оставаться подле тебя, но судьба судила иначе! Ты знаешь, Амина, что я люблю даже ту землю, к которой прикасается твоя нога, но я не смею просить, чтобы ты соединила свою судьбу с моей, чтобы ты заведомо шла на горе и несчастье!

– Соединить свою судьбу с твоей не значит идти на горе и несчастье, Филипп! – возразила Амина едва слышно, сконфуженно опустив глаза в пол.

– Это было слишком себялюбиво с моей стороны, Амина! – продолжал юноша.

– Послушай, Филипп! Я буду говорить прямо, как чувствую: ты говоришь, что любишь меня! Я не знаю, какова мужская любовь, но знаю, как люблю я! Я чувствую всем моим существом, что если ты теперь откажешься от меня, то это будет жестоко и себялюбиво; жестоко потому, что я бы этого не пережила! Ты говоришь, что тебе нужно уехать отсюда, что такова твоя судьба, что этого требует от тебя твоя роковая тайна! Пусть так! Но отчего и я не могу поехать с тобой?

– Поехать со мной? На гибель и смерть? Нет, Амина!

– Хотя бы и на гибель и смерть! Что из того? Ведь смерть не что иное, как освобождение; я не боюсь смерти, Филипп! Я боюсь только одного – потерять тебя. Кроме того, разве твоя жизнь не в руках Всевышнего? Почему же ты с такой уверенностью говоришь о смерти? Ты мне давал понять, что ты предназначен судьбой для выполнения какой-то трудной, таинственной миссии. А если так, то судьба должна сохранить тебя, уберечь от смерти до того момента, когда твоя задача будет исполнена, и цель, для которой ты предназначен быть орудием, не будет достигнута. Я хотела бы знать твою тайну, Филипп, не потому, что во мне говорит любопытство, а потому что женский ум часто бывает находчив и проницателен и может быть тебе полезен. А если даже и не так, то разве не отраднее, не приятнее и не утешительнее делиться своей горю, заботой и тревогой, равно как и радостью, с существом, которое ты любишь, как говоришь, больше всего на свете?!

– Амина, дорогая моя Амина, неужели ты не видишь, что именно любовь моя к тебе, моя горячая любовь заставляет меня колебаться? Видит Бог, как был бы я счастлив, если бы соединился с тобой теперь же! Но я, право, не знаю, что мне делать и что сказать тебе. Я не мог бы утаить от тебя моей тайны, если бы ты была моей женой, но, с другой стороны, не могу жениться на тебе прежде, чем ты не узнаешь этой тайны. Так пусть же я поставлю все на карту и пусть теперь же решится моя судьба! Ты узнаешь все и увидишь, какое я обреченное на несчастье существо помимо всякой вины с моей стороны, и тогда сама решишь, чему быть. Помни только, что клятва моя была услышана небом, и ничто не должно принудить меня изменить ей! Не забывай этого и выслушай мою исповедь, и тогда, если после всего, что ты узнаешь, ты еще захочешь стать женой человека, у которого нет никаких светлых надежд в жизни, и судьба которого так жестока и так печальна, тогда пусть будет так, как ты того желаешь! Пусть выпадет на мою долю хоть короткое, но все же громадное счастье, которого я еще ничем не заслужил.

– Ну, скорее говори мне все! – воскликнула Амина, сгорая нетерпением.

Тогда Филипп рассказал ей подробно все то, что уже известно нашим читателям. Амина молча и сосредоточенно слушала его; ни малейшего изменения не было заметно на ее лице во все время исповеди Филиппа; в заключение юноша повторил при ней свою клятву и затем сказал: ну, теперь ты все знаешь!

– Страшная это история, Филипп! – задумчиво произнесла Амина. – Я выслушала тебя; теперь ты выслушай меня, но прежде дай мне эту реликвию, я хочу иметь ее перед глазами; мне хочется взглянуть на нее, чтобы убедиться, возможно ли, чтобы эта маленькая вещица обладала такою силой? Странно, ты мне прости, Филипп, мои сомнения, ты знаешь, я еще не вполне утвердилась в новой вере, в которой ты и добрый патер наставляли меня. Я, конечно, не говорю, что этого не может быть, но все же мне еще позволительно сомневаться. Но допустим, что все это правда! Тогда даже помимо данной тобой клятвы это был бы твой долг помочь твоему отцу; и ты не думай так низко о мне, будто я способна отклонить тебя от того, что хорошо и справедливо, от того, чего требует от тебя твой сыновний долг. Нет, Филипп, я первая говорю тебе: ищи своего отца и, если можешь, если это тебе дано, облегчи его участь. Я знаю, что это не сразу удастся тебе, но уверена, что если ты избран для этой цели, то и в беде, и в

нужде, и в опасности судьба пощадит тебя и сохранит до тех пор, пока ты не исполнишь своего предназначения. И ты будешь возвращаться не раз и каждый раз будешь находить утешение и поддержку, и ласку, и любовь твоей жены Амины, а когда Богу будет угодно призвать тебя к себе, то память о тебе, если жена твоя переживет тебя, будет ей так же дорога и священна, как ты сам. Филипп, ты предоставил мне решить, так вот я говорю тебе: возьми меня, я – твоя!

И она протянула к нему обе руки, а Филипп прижал ее к своей груди и в тот же вечер просил у старика доктора руки его дочери. Мингер Путс, как только Филипп раскрыл перед ним свой железный ларец, тотчас же дал свое согласие на этот брак. Патер Сейсен зашел на другой день и получил желанный ответ, а спустя три дня колокола его маленькой приходной церкви весело звонили, оповещая о бракосочетании Амины Путс с Филиппом Вандердеккенем.

Глава VII

Лишь совсем поздней осенью Филипп Вандердеккен был пробужден от своего блаженного сна наяву извещением капитана того судна, на котором он намеревался отплыть. Странно сказать, но с самого первого дня его свадьбы с Аминой Филипп ни разу не возвращался к тяжелым мыслям о предстоящей ему судьбе; иногда являлось мимолетное напоминание о будущем, но он тотчас же отгонял его и забывал о нем. Хотя время летело быстро, и проходили дни за днями и месяцы за месяцами, но Филипп забывал о своей клятве в объятиях своей красавицы-жены, а та избегала всякого напоминания о том, что могло омрачить хоть на мгновение ее возлюбленного супруга.

В одно прекрасное октябрьское утро кто-то постучал молотком в дверь домика Филиппа Вандердеккена. Так как это означало приход кого-нибудь из посторонних, Амина поспешила выйти на стук.

– Я желал бы говорить с мистером Филиппом Вандердеккеном! – проговорил незнакомец таинственным шепотом.

Это был маленький тощий человечек в одежде голландского матроса того времени.

Черты его лица были мелки и остры, а самое лицо мертвенно бледно, губы бесцветны; волосы наполовину рыжие, наполовину седые. Бороды у него почти не было, и по виду трудно было определить его возраст. Это мог быть и преждевременно стареющий болезненный молодой человек, одряхлевший и опустившийся, и старик, крепкий и бодрый, но тощий до последней степени. Но самую выдающуюся особенностью этого человека, которая сразу привлекла внимание Амины, был глаз этого человека; у него был всего только один глаз; правое веко было опущено и совершенно закрыто, а самый глаз, очевидно, вытек; но зато левый, единственный уцелевший глаз был до того велик, что пропорционально его лицу и самой голове его казался громадным, чрезвычайно выпуклым, светлым и водянистым, и смотреть на этот глаз было как-то особенно неприятно, тем более что глаз этот не был оттенен ресницами ни на нижнем, ни на верхнем веке. И так поразителен, так необычаен был этот глаз, что, когда вы смотрели на этого человека, вы не видели ничего, кроме этого глаза. Можно было сказать, что это не «человек с одним глазом», а скорее «один глаз с человеком». Все его щедедушное тело представлялось как бы башней для маяка, – для его громадного глаза. Между тем, если присмотреться повнимательнее, вы заметили бы, что этот человек, хотя и щедедушный и миниатюрный, был, в сущности, хорошо и красиво сложен, что его руки не походили на руки простых матросов ни по форме, ни по цвету кожи, что его черты, хотя и мелкие и заостренные, были правильны, и что во всей манере этого маленького человечка было что-то надменное, какое-то сознание собственного превосходства, что-то неуловимое, внушающее чувство, похожее на суеверный страх.

С минуту темные глаза Амины остановились на этом страшном посетителе, причем она ощутила лихорадочную дрожь, и самое сердце ее как будто вдруг охолодело, но, несмотря на это, она попросила его войти в дом.

Филиппа появление этого человека крайне удивило, тем более, что последний, как только вошел в комнату, не сказав ни слова, сел на диван подле Филиппа на то место, которое только что занимала Амина. Филиппу почему-то показалось зловещим, что этот человек занял место Амины. Все минувшее мгновенно пронеслось в его памяти, и он болезненно почувствовал, что это был призыв от блаженной счастливой жизни, полной тихой радости к жизни новой, бурной, тревожной, полной опасностей. Одно обстоятельство как-то сразу поразило Филиппа – это когда этот человек сел подле него, то какой-то могильный холод пробежал по всему его телу. Филипп побледнел, но не произнес ни слова. С минуту длилось молчание. Одноглазый посетитель осматривал все, и напоследок его взгляд перешел с буфета на Амину, стоявшую

перед ним. Наконец, он прервал молчание звуком, напоминавшим гоготание, перешедшее в вопрос.

– Филипп Вандердеккен... Хо!.. Хо!.. Филипп Вандердеккен, вы не знаете меня?

– Нет, не знаю! – ответил Филипп сердитым, недовольным тоном.

Надо заметить, что голос маленького человека звучал чрезвычайно странно, он походил на подавленный крик, звуки которого продолжали звенеть у вас в ушах еще долго после того, как он перестал говорить.

– Я – Шрифтен, один из рулевых «Тер-Шиллинга», – продолжал посетитель, – и явился сюда, хи! хи!.. – и при этом он посмотрел на Амину, – чтобы вырвать вас из объятий любви! – затем, взглянув на буфет, добавил: – и от роскоши и удобств домашнего очага и разлучить вас вот с этим! – и он несколько раз топнул ногой о пол, для чего поднялся с дивана. – С *terra firma*, хи! хи! И, быть может, для того, чтобы уложить вас во влажную могилу где-нибудь на дне океана... приятно, как вы полагаете? – добавил он с тем же гоготанием, как и в начале своей речи, устремив на Филиппа многозначительный, испытующий взгляд одинокого глаза.

Первым побуждением Филиппа было схватить этого посетителя за шиворот и вышвырнуть за дверь, но Амина, читавшая его мысли, смирившая незванного гостя взглядом, полным спокойного презрения, и сказала:

– Никто из нас от судьбы своей не уйдет, любезный друг! И на суше, как на море, смерть берет свои жертвы, и я знаю, что если бы смерть заглянула в глаза Филиппу Вандердеккену, лицо его не побледнело бы так, как теперь у вас!

– В самом деле! – воскликнул Шрифтен, очевидно, пораженный и раздосадованный этой спокойной решимостью столь юной и прекрасной женщины, и переведя свой взгляд на серебряную статуэтку Мадонны на камине, он спросил: – Вы, как вижу, католик... хи! хи!..

– Я – католик, – сказал Филипп, – а какое вам дело до этого? Когда отправляется судно, вы мне еще не сказали!

– Через недельку, хи!.. хи!.. Всего только одна неделька остается для приготовлений и сборов. Всего только семь деньков, и затем придется расстаться со всем этим... Недолгий срок, хи!.. хи!..

– Более чем достаточный! – сказал Филипп, вставая с дивана. – Можете передать капитану, что я вовремя буду на месте. Пойдем, Амина, нам нельзя терять времени!

– Действительно, – отозвалась Амина, – и первым нашим делом должно быть исполнение того, чего требует от нас долг гостеприимства: позвольте предложить вам, мингер, подкрепиться чем-нибудь с дороги! – добавила она, обращаясь к посетителю.

Не отвечая на любезное предложение молодой женщины, Шрифтен повторил: «Ровно через неделю, не забудьте!». И, повернувшись на каблуках, вышел из комнаты и вскоре совершенно скрылся из виду.

Амина, обессиленная, упала на диван. Слишком грубо и неожиданно прервал этот человек нить ее кратковременного счастья; слишком жестоко и бессердечно поступил с ее любящим сердцем этот незнакомец. В словах и манере этого человека была явно преднамеренная злоба и жестокость, причем он старался все время дать понять и почувствовать, как будто он больше знает, чем другие люди, и это смущало и пугало и Филиппа и ее самое. Амина не плакала, но она закрыла лицо руками и размышляла, тогда как Филипп нетвердыми шагами ходил взад и вперед по комнате. Снова с невероятной ясностью и яркостью впечатления ожила перед ним почти забытая сцена: опять ему казалось, что он входит в полутемную комнату, что начатая вышивка лежит на полу, и опять он содрогнулся, как тогда, когда увидел лежавшее на полу письмо.

Оба они пробудились от чудного, блаженного сна любви и счастья и с ужасом взирали на грозное будущее, встававшее перед ними, точно призрак. Но нескольких минут было достаточно, чтобы Филипп успел вернуть себе свое обычное самообладание. Он сел подле Амины и

заклучил ее в свои объятия. Некоторое время они молчали: оба слишком хорошо знали мысли друг друга и теперь призывали на помощь все свое мужество и старались примирить себя с мыслью, что теперь им предстоит расстаться на время, а быть может и навсегда в этой жизни.

Амина заговорила первая.

– Право, Филипп, этот человек был не простой смертный, как все! Разве ты не чувствовал холод смерти, когда он сидел подле тебя? Я это почувствовала, когда он вошел!

Филипп, который думал о том же, не желая встревожить жену, ответил уклончиво:

– Нет, Амина, это тебе показалось; это объясняется неожиданностью его прихода и его странным поведением! Я вижу в нем просто человека, который вследствие своего необычайного уродства сделался человеконенавистником и завистником; лишенный семейных радостей, любви и ласки любимой женщины, он невольно чувствует злобу при виде другого человека, которому судьбой дано в удел так много счастья, и потому-то он испытывал особенное злобное наслаждение сообщить нам известие, которое как он отлично сознавал, должно было положить конец нашему блаженству.

– Да, в сущности, если бы даже мое предположение было верно, что из того? – заметила Амина. – Ничего не может ухудшить твоего положения. Теперь, когда я стала твоей женой, Филипп, я чувствую в себе меньше мужества, чем раньше, вероятно потому, что тогда я не знала, что теряю в тебе. Но не бойся, я на все готова и горжусь тем, что человек, предназначенный для такой трудной задачи, – мой муж! Не может быть, чтобы ты ошибся, Филипп! – добавила она.

– Нет, дорогая, я не ошибся ни в чем, ни в моем призвании, ни в моей решимости, ни в выборе жены! – сказал он, целуя Амину. – Такова воля неба!

– Да будет воля Его! – сказала Амина, вставая. – Первая минута горя прошла, и я чувствую теперь в себе достаточно силы и мужества; твоя Амина знает и помнит свой долг! Всего только одна неделя! – прибавила она после некоторого молчания.

– Я желал бы, чтоб это был всего только один день, – возразил Филипп. – Этого было бы вполне достаточно. Он пришел слишком рано, этот одноглазый урод!

– Нет, нет, Филипп, я ему благодарна за эту неделю! Право, это немного времени, чтобы оторваться от счастья! Я согласна, что если бы я стала докучать тебе моими слезами, жалобами и просьбами остаться, как это делают в подобных случаях другие жены, то и одного дня таких терзаний было бы достаточно. Но я снаряжу тебя в путь, как древнего рыцаря на опасный подвиг; я сама опояшу тебя мечом, сама дам тебе в руки щит и отпущу тебя с надеждой на отрадное возвращение! Но за эту неделю я хочу упиться своими ласками, запечатлеть в сердце твой дорогой образ, твой милый взгляд и звук твоего голоса; хочу запомнить и удержать в своей памяти каждое твое слово, чтобы потом в твоём отсутствие жить этими воспоминаниями! Нет, нет, Филипп, я благодарю Бога за эту неделю!

– Теперь и я благодарю его, Амина! Кроме того, ведь мы знали, что это время должно было прийти!

Амина вздохнула. В этот момент разговор их был прерван вернувшимся мингером Путсом, который до того был поражен переменой в лице Амины, что при взгляде на нее невольно воскликнул:

– Боже правый! Да что же здесь случилось?

– Ничего, кроме того, что мы давно ожидали! – отвечал Филипп. – Я должен уехать: судно отправляется ровно через неделю!

– Аа, через неделю! – повторил старик диким тоном, в котором проглядывала ясно скрытая радость, но затем он поспешил придать своему лицу выражение печали и добавил: – Это, конечно, очень печальная новость!

Молодые люди ничего не ответили и вышли вместе из комнаты.

Мы не станем останавливаться на этой неделе, ушедшей на приготовления к отъезду, на борьбу молодой женщины со своим чувством и колебания Филиппа между чувством и долгом. Для обоих эта неделя длилась бесконечно долго, и хотя им казалось, что время несется слишком быстро, но оба почувствовали как бы облегчение, когда настало утро, когда им надо было расстаться: мучительно сдерживаемые чувства неудержимо просились наружу, состояние обоих было нестерпимо напряженное, и они не в силах были долее выносить его. Ожидание разлуки было мучительнее самой разлуки!

– Знаешь что, Филипп, – сказала Амина, сидя подле него и держа его руки в своих, – мне будет не так тяжело, когда тебя не будет! Мое сердце постоянно твердит мне, что ты вернешься! Конечно, оно может ошибаться; может, ты и вернешься, но не живым! Я буду ждать тебя в этой самой комнате, на этом диване. Если ты не вернешься сюда живым, то обещай мне, что вернешься ко мне после смерти. Я не испугаюсь ни бури, ни распахнувшегося окна, нет, нет! Я буду звать даже твой призрак; я встречу его, как тебя, возлюбленный мой! Дай мне тебя увидеть хоть раз, чтобы я знала, что тебя нет уже в живых, и я поспешу соединиться с тобой там, в загробной жизни! Обещай мне это, Филипп!

– Обещаю все, чего ты только желаешь, но, Амина, прости меня, я не могу больше оставаться здесь... мои силы начинают мне изменять!

Темные проницательные глаза Амины были устремлены на мужа; она не могла говорить; черты ее лица исказились, и, не выдержав долее, она лишилась чувств Филипп, собиравшийся запечатлить последний прощальный поцелуй на ее устах, увидел, что она потеряла сознание.

– Слава Богу, – прошептал он, – она теперь ничего не чувствует! – и осторожно положил ее на диван поспешно поцеловал ее бледное чело и, позвав к ней отца, находившегося в смежной комнате, схватил свою шляпу и, как помешанный, выбежал из комнаты. Он давно уже скрылся из вида, прежде чем Амина очнулась от своего обморока.

Глава VIII

Прежде чем последовать за Филиппом Вандердеккенем, необходимо освежить в памяти читателя те факты, которые направили внимание предприимчивых голландцев на Ост-Индию, оказавшуюся для них источником громадных богатств.

Начинаем сначала. Карл V, владевший большей половиной Европы, вздумав удалиться от мира, по причине, лучше всего известной ему самому, разделил свое государство между своими двумя сыновьями – Фердинандом и Филиппом. Фердинанду он отдал Австрию с прилегающими к ней странами, а Филиппу Испанию; но для того, чтобы никому не было обидно, он еще прикинул Филиппу Нидерланды с несколькими миллионами прозябающих на сей земле людишек в придачу. Распорядившись таким образом судьбою своих братьев-людей, к нему своему успокоению, он сам удалился в монастырь, сохранив для себя небольшой доход, двенадцать человек слуг и одного пони. Два года спустя он умер здесь.

Филипп полагал, как это делали очень немногие до него и после, что он вправе распоряжаться своим добром, как ему заблагорассудится. На этом основании он отнял у голландцев большинство их вольностей, дав взамен святую инквизицию. Но голландцы не остались довольны этим и возроптали, а Филипп, чтобы положить конец их недовольству, в назидание остальным сжег несколько десятков или сотен из них на костре. Тут уж голландцы, питавшие несравненно большую склонность к воде, чем к огню, еще больше запротестовали; католическая религия казалась им чересчур пламенной для их темперамента, – и среди них развилось еретичество. Чтобы пресечь это зло, прислан был герцог Альба с целой армией, которому поручено было доказать голландцам, что инквизиция – наилучшее из всех учреждений, и что несравненно выгоднее и приятнее человеку поджариваться в продолжение одного какого-нибудь часа на костре в этой жизни. И вот это маленькое различие мнений послужило причиной для войны, длившейся около восьми лет. Избавив несколько сот тысяч голландцев от труда умирать в своих постелях, предварительно израсходовавшись на врачей и лекарства, эта война, наконец, окончилась тем, что семь соединенных голландских штатов были объявлены независимыми.

Теперь нам приходится опять возвращаться назад.

В течение ста лет после того, как Васко да Гама открыл путь вокруг мыса Доброй Надежды, португальцы не испытывали никакого вмешательства со стороны других наций в их колониальные дела. Но, по прошествии этого времени, предприимчивый дух англичан пробудился, и они возымели желание также попытать свое счастье на Далеком Востоке. Однако португальцы признавали за собой исключительно право прохода в Индию вокруг мыса Доброй Надежды и отстаивали это право силой оружия. В течение довольно продолжительного времени ни одна частная компания не осмеливалась противиться им, а торговля в ту пору не представлялась еще столь заманчивой, чтобы какое-нибудь из правительств решилось начать войну из-за этого вопроса. На этом основании английские авантюристы стали отыскивать северо-западный проход в Индию, на который португальцы не имели бы права посягнуть. Но они тщетно искали такого пути, на изыскание которого была потрачена большая половина XV-го столетия. В конце концов англичане отказались от своей задачи и решили впредь не считаться с претензиями португальцев.

После двух-трех неудачных экспедиций была снаряжена военная эскадра под командою неустрашимого Дракэ. Этот смелый и искусный мореплаватель достиг того, чего даже не ожидали самые смелые мечтатели. Он возвратился в Англию в мае месяце 1580 года, после почти трехлетнего плавания, привезя с собой громадные богатства и заключив чрезвычайно выгодный договор с королем Молуккских островов.

Вслед за ним с неменьшим успехом совершили плаванья в Индию Кавендиш и другие в 1600 году. Английская Ост-Индская компания тем временем впервые получила от правительства свой патент и вела торговлю с переменным счастьем в течение пятидесяти лет.

В то время, когда Нидерланды считались вассальными провинциями испанской короны, они всегда забирали в Лиссабон колониальные продукты и затем наделяли ими другие европейские страны; но когда у них вышла ссора с Филиппом, голландцам был закрыт доступ к этой торговле продуктами Индии. И вот, ведя войну за свою независимость, они в то же время снаряжали экспедиции в Индию, и экспедиции эти были удачны, так что в 1602 году отдельные спекуляторы были объединены правительством в одну общую компанию на тех же основаниях и условиях, какие были установлены патентом для Английской Ост-Индской компании.

Таким образом к тому времени, к которому относится наш рассказ, англичане и голландцы уже более пятидесяти лет вели торговлю с Ост-Индией, а португальцы потеряли почти окончательно свое влияние в Ост-Индских водах, благодаря дружбе Ост-Индских властителей с англичанами и голландцами и их явному недоброжелательству к португальцам, проявившим ужасную алчность и жестокость.

В какой мере голландцы были обязаны англичанам за их содействие им в борьбе за независимость, всем известно, но, как видно, чувства признательности голландцев не переходили за пределы мыса Доброй Надежды, потому что по ту сторону этого мыса португальцы, англичане и голландцы дрались и захватывали суда друг у друга безо всякого стеснения и не признавали другого закона, кроме права сильного. Время от времени обращались ко вмешательству метрополий, но вмешательство это вплоть до описываемого нами времени выражалось исключительно только на бумаге, так как было очевидно, что все не правы.

В 1650 году Кромвель узурпировал трон Англии, а год спустя, потребовав, в числе других предъявленных им претензий, удовлетворения за убийство своего посла, совершенное в том же году, и за жестокости по отношению к англичанам в Амбоне лет тридцать тому назад, и не получив требуемого, объявил Голландии войну. Чтобы доказать, что он не намерен шутить, он захватил более двухсот голландских судов, после чего голландцы, хотя и очень неохотно, стали готовиться к войне. Блэк и Ван-Тромп столкнулись, и их морские бои были упорны и ужасны. В истории Англии победы повсеместно приписываются англичанам, а в истории Голландии, конечно, голландцам. Но, судя по отчетам об этих сражениях, которые всегда бывали чрезвычайно упорны, были основательно побиты и те, и другие. Тем не менее в 1654 г. был подписан мир, на основании которого «голландец обязался снимать шляпу перед англичанином, где бы он его ни встретил в открытом море», – простая вежливость, против которой голландец ничего не имел возразить, так как это ему ровно ничего не стоило.

А теперь, разъяснив положение дел вплоть до того момента, когда Филипп Вандердеккен вступил на судно, мы станем продолжать свой рассказ.

Как только Филипп очутился за порогом своего дома, он кинулся бежать с такой быстротой, словно за ним гнались по пятам. Спустя двое суток он прибыл в Амстердам, где прежде всего озабочился приобрести тоненькую, но крепкую стальную цепочку и заменил ею черную ленту, на которой висела у него на шее реликвия. После того он поспешил со всеми своими вещами на «Тер-Шиллинг». Он также взял с собой и деньги, которые условился уплачивать капитану за то, что он был принят на судно скорее как новичок-офицер, чем как простой матрос. Кроме того, он имел при себе еще значительную сумму денег на свои личные потребности.

Было уже поздно под вечер, когда он прибыл на судно, стоявшее уже на одном якорю между другими судами, которые готовились одновременно с ним к отплытию.

Капитан, которого фамилия была Клутс, принял его ласково, показал Филиппу его койку, затем спустился вниз, в трюм, где ему нужно было распорядиться распределением груза, а Филипп остался наверху, на палубе, предоставленный самому себе и своим думам.

«Так вот оно, то судно, – думал он, – на котором • я должен совершить свою первую попытку, первую, а быть может и последнюю! И никто здесь не подозревает цели моего плаванья; никому и в голову не приходит как мало похожи мои стремления на стремления остальных... Я не ищу наживы и богатства! Нет, я ищу общения с мертвым! А возможно ли это общение без опасности для меня и для тех, кто здесь со мной? Не думаю; ведь общение это возможно только в смерти. Если бы все эти люди знали, что у меня в мыслях, они не позволили бы мне и часа остаться здесь».

Затем мысли его перенеслись к Амине, и, облокотясь на перила, устремив глаза в небо, он дал волю своим мечтам и воспоминаниям.

– А не лучше ли вам спуститься вниз? – раздался подле него чей-то мягкий, нежный голос, который пробудил его к действительности.

Это был старший помощник по фамилии Хиллебрант, небольшого роста, красиво сложенный молодой человек лет тридцати. Волосы его цвета льна ниспадали длинными прядями на плечи; глаза, светлые, голубые, смотрели кротко и ласково, лицо было нежное и белое, как у женщины, и хотя он очень мало походил на моряка, редко кто знал так хорошо свою службу и нес ее так исправно, как он.

– Благодарю вас, – ответил Филипп, – вы действительно правы; я задумался и совершенно забыл, где я; мысли мои были так далеко отсюда. Спокойной ночи и еще раз благодарю.

«Тер-Шиллинг», как и большинство судов того времени, очень мало походил на современные суда и имел всего около 400 тонн водоизмещения.

Так как все суда Ост-Индской компании имели оружие, то на палубе ничего не грузили; на каждом борту находилось по шести девятифунтовых орудий; люки его были овальные, небольшие, а палуба имела значительный уклон и к носу и к корме. На баке находилась вторая палуба; концы были украшены высоко выдающейся из воды кормой.

Экипаж «Тер-Шиллинга» состоял из капитана, двух помощников, двух рулевых и сорока пяти матросов. Суперкарг еще не прибыл; лучшая каюта на корме предназначалась для него, а в рубке были каюты капитана и помощников, из которых состояла вся кают-компания.

Когда Филипп проснулся на другой день поутру, то увидел, что паруса уже подняты, и якорь также сильно укорочен. Остальные суда, отправлявшиеся вместе с «Тер-Шиллингом» и составлявшие одну с ним флотилию, почти все уже снялись с якорей. Погода стояла прекрасная; море спокойно, а суeta и оживление на палубе были так новы и непривычны для Филиппа, что производили на него приятное, веселое впечатление. Капитан мингер Клутс стоял на корме с подзорной трубой в руках и напряженно смотрел в сторону города. Во рту его по обыкновению была трубка, и дым ее часто застилал и туманил стекла его подзорной трубы.

Филипп поднялся на кормовую палубу и поздоровался с капитаном.

Мингер Клутс был человек весьма крупных размеров, и невероятное количество одежд, которые были на нем навьючены, немало прибавляло к его объему. Внешнее одеяние его, видимое для всех, состояло из лисьей шапки, из-под которой выглядывал красный шерстяной ночной колпак; из красного плюшевого жилета с большими ясными металлическими пуговицами; из зеленого суконного камзола, поверх которого был надет другой, более просторный камзол из грубого, простого синего сукна длиною с короткое пальто; на ногах были черные плисовые панталоны, доходившие до колен, где они застегивались на светлые пуговицы, и светло-голубые шерстяные чулки и башмаки с большими серебряными пряжками. Вокруг талии он был опоясан широким кожаным кушаком, которым придерживался фартук из парусного холста, густыми сборами спускавшийся немного ниже колен; а на поясе виднелся широкий, большой нож в кожаных ножнах. Таков был с вида мингер Клутс, капитан «Тер-Шиллинга».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.